

БИБЛІОТЕКА
ІМ. І. ІЛЛІЧА

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

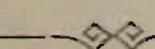
ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ІМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго.

Выпускъ I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, 11.

1890.

Полувѣрцы Псково-Печерского края.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію данныхъ и наблюденій, добытыхъ мною во время поѣздки въ 1885 г. по западной окрайнѣ Псковской губ. для этнографическихъ изслѣдованій, я считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь свою благодарность тѣмъ лицамъ, которыхъ оказали мнѣ благосклонное содѣйствіе. Во Псковѣ высшія власти снабдили меня надлежащими документами, а членъ статистического комитета Н. А. Строкинъ предоставилъ въ мое распоряженіе новѣйшія статистическія данныя о такъ называемыхъ полувѣрцахъ. Изборскъ, который находится какъ разъ на границѣ Русскихъ и полувѣрцевъ, былъ исходнымъ пунктомъ наблюденій. Здѣсь я провелъ болѣе недѣли, воспользовавшись удобнымъ случаемъ поѣтить съ о.о. Пановымъ и Щекинымъ окрестныя деревни, ибо въ это время они ъздили „съ молитвою“ по приходу. Съ первымъ я ъздила по деревнямъ съ полувѣрческимъ населеніемъ, со вторымъ — по русскимъ деревнямъ. Кто дѣлалъ этнографическія экскурсіи, тотъ хорошо знаетъ, какъ трудно бываетъ проникнуть въ народную душу, внушить къ себѣ довѣrie, заставить простолюдина выложить свое духовное сокровище предъ проѣзжимъ чужестранцемъ, когда при этомъ нѣть посредствующаго лица, пользующагося довѣриемъ. Главнымъ центромъ своихъ изслѣдованій я избралъ пригородъ Печеры, поселившись въ монастырѣ. Здѣсь я провелъ болѣе трехъ недѣль, изучая монастырскій архивъ и предпринимая по временамъ экскурсіи по окрестнымъ полувѣрческимъ поселеніямъ. Достоуважаемый намѣстникъ монастыря о. Павелъ и казначей о. Аркадій значительно облегчили моя труды. Будучи родомъ полувѣрецъ, о. Аркадій не только лично сообщалъ мнѣ разнообразныя свѣдѣнія, но и повезъ меня къ своимъ роднымъ, живя у которыхъ въ деревнѣ Воробьевѣ среди полувѣрцевъ, я имѣлъ возможность ближе изучать нравы, обычаи, вѣрованія и духовное творчество послѣднихъ. Вынужденный по личнымъ дѣламъ на время уѣхать въ Петербургъ, я на обратномъ пути взялъ другое направленіе, именно, сѣвъ во Псковѣ на пароходъ, я высадился въ Выбовѣ, на берегу Псковскаго озера въ Лифляндіи и отсюда, держась берега, то пѣшкомъ, то на лодкѣ обошелъ все побережье до деревни Будо-

вижи, откуда повернулъ внутрь стравы къ Печерскому монастырю и наконецъ отсюда предпринялъ поѣздку по западной окраинѣ Псковской губерніи на югъ до Щемерицъ. Во время своей поѣздки я старался по возможности бывать на всѣхъ народныхъ праздникахъ, сбирающихъ, играхъ, пиршкахъ и т. п.

Начну съ описанія древнихъ городищъ и могилъ Псково-Печерского края. Прежде всего я долженъ засвидѣтельствовать, что этотъ край гораздо бѣднѣе достопримѣчательностями въ этомъ родѣ, чѣмъ Гдовскій уѣздъ. Культура уже успѣла значительно истребить эти памятники старины. Въ то время какъ въ Гдовскомъ уѣздѣ суевѣрная рука поселянина не дерзаетъ коснуться этихъ святынь, въ слѣдствіе чего многія изъ нихъ сохранились почти неприкосновенными, здѣсь же большою частью можно встрѣтить только слѣды ихъ, и лишь тамъ, гдѣ неплодородность почвы, напр., голый песокъ, не обѣщала выгодной эксплоатациі, онъ сохранились довольно хорошо.

Подвигаясь съ сѣвера на югъ по побережью, мы встрѣчаемъ древнія могилы въ дер. Глазовѣ. Холмы обложены камнями; сохранился только одинъ каменный крестъ. Кладбище это называется военнымъ, tsоakalmi. Далѣе, на юговосточномъ концѣ дер. Мартыново (или Красное Село) находится кладбище, о которомъ говорятъ, что тутъ „проходила Литва“. На могилахъ сохранились два каменные креста съ надписью: „Царь Иисусъ Христосъ Ника.“ Рассказываютъ, одному старцу было сказано во снѣ, что если кто на себѣ принесетъ бревно и построитъ часовню на немъ, тотъ можетъ вырыть здѣсь кувшинъ съ золотомъ. Говорятъ также, что одинъ крестъ три года пропадалъ, а потомъ, неизвѣстно какъ, очутился на прежнемъ мѣстѣ. Въ часовнѣ слѣдующей за тѣмъ деревни Красные горы находится большой каменный крестъ съ обычной отчетливою надписью. По увѣренію мѣстныхъ жителей, пять человѣкъ не въ состояніи вынести его, а внести можетъ и одинъ. Но, безспорно, самая замѣчательная мѣстность около дер. Лисье, расположенной на полуостровѣ. На ю.-восточной сторонѣ ея находится мѣсто древняго замка „Городецъ“, защищенное съ востока, со стороны озера, чрезвычайно высокимъ и крутымъ берегомъ, съ запада заливомъ, и лишь небольшой перешеекъ, сажень въ 20, съ сѣвера соединяетъ его съ сушей. Впрочемъ, низменность перешейка даетъ основаніе думать, что въ древности онъ могъ быть подъ водою и Городецъ былъ окруженъ водою со всѣхъ сторонъ. Городецъ представляетъ собою неправильную, продолговатую возвышенность, въ длину сажень 50, въ ширину около 40 саж. По разсказамъ старика Осташева, умершаго въ 1877 году на 120 году жизни, она, по преданію, была обло-

жена стѣною и служила въ древности городомъ. На памяти старожиловъ въ южномъ углу его росла громадная сосна, называвшаяся городецкою, въ діаметрѣ около 4-хъ футовъ. Она была свалена мокрикомъ (ю.-з. вѣтромъ). Преданіе гласить, что она стояла на дверяхъ въ погребъ, гдѣ скрыты 12 бочекъ-сороковокъ серебра и золота. Нѣкоторые любопытные производили здѣсь незначительныя раскопки, но ничего не нашли. Преданія не сохранилось, кому въ древности принадлежалъ этотъ замокъ, но „Чудскія могилы“, лежащія отсюда къ югу на $\frac{1}{3}$ версты, съ достовѣрностью свидѣтельствуютъ, что имъ нѣкогда владѣла Чудь. Могилы эти расположены на той же песчаной возвышенности, что и Городецъ, и отдѣлены отъ материка озеромъ и заливомъ. Въ настоящее время могилы представляютъ собою три отдѣльныхъ кладбища длиною вмѣстѣ шаговъ въ 80; въ промежуткѣ находятся двѣ нивы. Могилы, говорятъ, были обложены камнями, которыхъ теперь нѣть; крестовъ на нихъ не было. По небольшимъ могильнымъ холмикамъ можно судить, что могилъ было очень много. И здѣсь происхожденіе могилъ приписывается войнѣ. Рассказываютъ, что здѣсь найденъ мечъ. Раскопки здѣсь, можно думать, дали бы много интереснаго. Южная сторона могилъ омывается заливомъ, а лѣтъ 30 назадъ, во время наводненія, гора подмылась, и показались длинныя кости и чепецъ. По ту сторону залива, къ югу, еще теперь сохранились явные слѣды древняго поля. Одинъ старикъ намъ сообщилъ, что въ этой мѣстности, по преданію, люди всѣ повымерли, и поле заросло сосновымъ лѣсомъ. Когда, послѣ основанія деревни Лисья, лѣсъ былъ вырубленъ, то оказалось, что подъ нимъ было поле. Межи и слѣды бороздъ ясно доказываютъ это. Еще теперь нѣкоторыя избы въ Лисѣ, построенные изъ этого лѣса, цѣлы, и жители не могутъ достаточно надивиться твердости дерева. Замѣтны отдѣльные полосы съ межами въ отдѣльныхъ низменностяхъ или луговинахъ; ширина ихъ около 50 шаговъ, длина около 70, нѣкоторыя поменьше (23 шага шириной, 50 длиною). Отсутствіе крутыхъ краевъ и холмиковъ даетъ понять, что поле долго служило для земледѣлія. Судя по тому, что на полосахъ неодинаковая трава, нужно думать, что на немъ засѣвали разный хлѣбъ. Въ настоящее время окрестности Лисиа совсѣмъ голыя. Возможно, что въ древности они были покрыты сосновымъ лѣсомъ, который употреблялся на постройку судовъ въ Городецкомъ заливѣ. Подобныя же мѣста предполагаемыхъ древнихъ верфей можно указать еще въ Верхостенскомъ (или Колпинскомъ) и Лагазовскомъ заливѣ; по крайней мѣрѣ въ XVII в. они служили таковыми. Древнія кладбища можно указать еще въ слѣдующихъ деревняхъ. Въ Будовежи, на

южномъ концѣ деревни, могилы на песчаной возвышенности, плохо сохранившіяся, да притомъ здѣсь хоронили покойниковъ еще на памяти стариковъ, когда не было Лисейского кладбища (новаго). Могилы лишены камней, сохранился только одинъ каменныи крестъ. На берегу подъ крышей на столбѣ другой крестъ, верхъ котораго круглый съ тремя треугольными дырами и съ обычною надписью. Далѣе въ дер. Подмогильцахъ, въ Дольчинѣ и Городищѣ могилы и кресты сохранились довольно хорошо. Замѣчательны древности при Городищѣ. Уже самое название свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь—мѣсто древняго замка. Съ одной стороны высокій берегъ Пивжи, съ другой болото, открыта третья сторона. Въ древней березовой рощѣ сохранились курганы, обложенные сѣрымъ гранитомъ и на одномъ каменныи крестъ съ обычною надписью. Въ Печерской волости въ дер. Барканово въ древней рощѣ сохранились курганы, а на нихъ два каменные креста. Курганы наз. „tsöa kalmu“, т. е. военныя могилы. Въ Паниковской волости въ дер. Аристово могильникъ съ сосновой рощей; курганы большою частью обложены сѣрымъ гранитомъ, на трехъ—плиты съ крестомъ отъ востока къ западу; надписи обычныя. Въ Изборской волости мнѣ пришлось осмотрѣть древнія кладбища при двухъ деревняхъ, Замогильнѣ и Шакицахъ. На первомъ кладбищѣ 6 большихъ крестовъ (могилъ болѣе), утвержденныхъ на могилахъ въ плитахъ (на западномъ концѣ). Нѣкоторыя плиты полупровалились. Надписи обычныя, на западной сторонѣ крестовъ. Кладбище при Шакицахъ сохранилось довольно хорошо. Есть и курганы и плоскія могилы разнообразныхъ формъ. Стороны кургановъ большою частью обложены сѣрымъ гранитомъ въ видѣ параллелограмма. Раскопокъ произведено много и прежде и недавно. Съ обычными надписями (очень отчетливыми) сохранилось крестовъ десять. На юго-западной оконечности кладбища находится большая продолговатая возвышенность, края которой обложены камнями. Ее, какъ видно, недавно разрывали (валяются двѣ ручныя кости). По сторонамъ ея находятся углубленія, по которымъ можно судить, что хоронили на поверхности земли и затѣмъ засыпали землею. На этомъ кладбищѣ нашли два горшка, наложенные одинъ на другой (въ одномъ кости), цѣль и большія кости. Самую богатую древними могилами мѣстность безспорно представляетъ пригородъ Изборскъ, столица Трувора. Общій типъ могилъ и крестовъ однако одинъ и тотъ же во всемъ Псково-Печерскомъ краѣ, съ тою только разницей, что въ Изборскѣ все въ большемъ размѣрѣ и лучшей отдѣлки. Навѣрно, выѣлка крестовъ на могилахъ производилась въ Изборскѣ, и отсюда снабжался ими весь край. Намогильные кресты вообще почитаются, какъ святыня, и обыкновенно помѣ-

щаются въ часовняхъ на ряду съ иконами. На нѣкоторыхъ крестахъ, кроме обычной надписи, бываютъ болѣе подробныя указанія о томъ, кѣмъ и на комъ онъ поставленъ, напр., въ Изборскѣ въ часовнѣ большой крестъ, вставленный въ могильную плиту, имѣеть надпись: „лѣта ЧМ. (1440) поставилъ крестъ сей..... на Степанъ“; въ Печерскомъ монастырѣ каменный крестъ, найденный подъ крышей Успенского собора, въ землѣ близъ дуба, и лежащій нынѣ въ оградѣ, которою обведенъ самый большой дубъ, кроме обычной надписи и изображенія восьмиконечного креста, весь исписанъ съ лицевой стороны; я могъ разобрать только на правомъ крылѣ слѣдующія слова: „поставленъ крестъ сей..... на поклоненія крестьяномъ.“

Псково-Печерскій край заселенъ Русскими и такъ наз. полузвѣрцами, у Эстовъ „Setu“, „Setukene“, „Setu rahwas“. Какъ извѣстно, русское название полузвѣрцы (эст. poluwernikud) носятъ и жители Исаакскаго прихода въ Эстляндіи, въ углу, образуемомъ Наровой и сѣвернымъ берегомъ Чудскаго озера. Эти поселенцы Исаакскаго прихода суть объестонившіеся русскіе бѣглецы изъ Московской Руси въ XVI и XVII вв., большою частью раскольники. Нынѣ они носятъ смѣшанное платье, понимаютъ поэстонки, хотя домашній языкъ русскій, исповѣдуютъ лютеранство. Очевидно, название полузвѣрцы, pola-wernikud, дано имъ сосѣдними Русскими, вѣроятно, еще въ то время, когда они, посѣща кирку, сохранили въ то же время въ домашнемъ быту нѣкоторые православные обычаи, крестное знаменіе, радоницу, почитаніе иконъ и т. п. Они считаютъ себя Эстами и оскорбляются, когда ихъ назовешь Русскими. Другое дѣло съ полузвѣрцами Псково-Печерскаго края. Это Эсты, подвергшіеся сильному вліянію Русскихъ и во внѣшнемъ быту мало отличающіеся отъ послѣднихъ. Въ настоящее время здѣшніе Русскіе уже не могутъ удовлетворительно объяснить, почему эти Эстонцы названы оскорбительнымъ именемъ полузвѣрцевъ, между тѣмъ какъ они—преданѣйшия чада православной церкви. Говорятъ, что они названы такъ потому, что, исповѣдуя православіе, въ тоже время говорять поэстонски. По всей вѣроятности, название „полувѣрцы“ обязано своимъ происхожденіемъ еще тому времени, когда, перешедши въ православіе, они сохранили въ то же время въ домашнемъ быту древне-языческія вѣрованія и обычаи. Но какъ произошло другое, эстонское прозвище ихъ „Setu“, Setukene“, „Setu rahwas“ и что оно значитъ—это трудно решить. Оно, по всей вѣроятности, столь же древне, какъ и прозвища лифляндскихъ Эстовъ въ различныхъ уѣздахъ и мѣстностяхъ, напр. Феллинцы—Mulk, Верровцы—Ugulane, Tsurklane, въ Линамеги—Sѣtkene, въ Пэлвѣ—Wetka (отъ употребленія русскаго

вѣдь, въ Толамо—*Ökagahwas* (отъ употребленія *ö* вмѣсто *on*—есть) и т. д. Граница поселеній такъ наз. *Setu* совпадаетъ съ западной границей Псковской губерніи, именно начиная съ Выбовки (эст. *Wöbs*) на рѣкѣ Воо и при впаденіи въ Пейпусъ и переходя по р. Медѣ, къ югу къ рѣкѣ Пимѣ и затѣмъ, по ней къ западу и югу до Новгородка (Нейгаузенъ) и, наконецъ, отсюда нѣсколько южнѣе Псковскаго шоссе; съ юга граница начинаетъ съ Паниковичей до Изборска идетъ нѣсколько сѣвернѣе шоссе. Восточная граница не можетъ быть опредѣлена, или, вѣрнѣе, ея не существуетъ, потому что, чѣмъ восточнѣе отъ Лифляндской границы, тѣмъ смѣшаннѣе становится населеніе съ чисто русскимъ.

Такъ называемые Сету не переселенцы изъ Лифляндіи, какъ нѣкоторые думаютъ, ноaborигены, послѣдняя эмиграціонная вѣтвь финскаго племени, нѣкогда занимавшаго весь за-Пейпусскій край и большую часть Псковской губ. О доисторическомъ мѣстожительствѣ и движеніи народностей финскаго племени въ предѣлахъ Псковской и Новгородской губерніи я надѣюсь написать особую статью.

Не смотря на многовѣковое сожительство съ Русскими, Сету до сихъ поръ сохранили свою національность, хотя по виѣшнему образу жизни они мало отличаются отъ Русскихъ. Расположеніе деревень, отдѣльныхъ частей зданія и обстановка въ нихъ та-же, что у Русскихъ; отличіе замѣтно только у Сету, граничащихъ съ Лифляндіей. Национальный костюмъ, языкъ, духовное творчество, обычаи, нравы сохранились у нихъ болѣе, чѣмъ у остальныхъ Эстовъ. Это объясняется тѣмъ, что во внутреннемъ быту они живутъ совершенно особнякомъ отъ Русскихъ. Супружескія связи между ними и Русскими рѣдки, особенно въ приходахъ, граничащихъ съ Лифляндіею. Случай, когда Русскіе женятся на полувѣркахъ, рѣже, чѣмъ обратные случаи, когда полувѣрцы женятся на Русскихъ. Главная причина этого явленія та, что полувѣрки не знаютъ порусски, а Русскіе плохо говорять на полувѣрческомъ нарѣчіи. Между полувѣрцами и Русскими еще доселѣ существуетъ нѣкоторая непріязнь, начиная со школьнай скамьи (русскіе мальчики прозвываютъ полувѣрческихъ „чухнами“—одна изъ причинъ, по которой дѣти полувѣрцевъ не желаютъ посѣщать школы) и кончая общественной дѣятельностью при выборахъ, напр., волостныхъ старшинъ и др. Вообще же рознь эта незначительна, и обѣ народности живутъ мирно другъ подлѣ друга. Въ національномъ отношеніи перевѣсь берутъ все же Русскіе. Въ среднихъ приходахъ (въ Печерскомъ, Залѣсскомъ и Изборскомъ) Русскіе мало умѣютъ говорить поэстонски, между тѣмъ взрослые полувѣрцы все говорятъ порусски; въ сѣверныхъ же приходахъ (Верхоустенскомъ,

Колпинскомъ, Кулейскомъ и Зачеренскомъ) Русскіе достаточно хорошо владѣютъ эстонскимъ языкомъ. Замѣчательно, что вообще полувѣрческая молодежь умѣетъ пѣть русскія пѣсни, тогда какъ русская молодежь совсѣмъ не знаетъ полувѣрческихъ пѣсенъ. Игры молодежи происходятъ большою частью отдалѣнно, не смотря на то, что деревни русскія и полувѣрческія нерѣдко бываютъ расположены другъ подлѣ друга. По мѣстамъ старожилы еще помнятъ, что полувѣрцы въ старицу носили длинные волосы, какъ это вообще известно о древнихъ Эстахъ; равно и избы ихъ на памяти стариковъ были первобытныя, менѣе походили на русскія избы. Арфы семиструнныя, бывшія прежде во всеобщемъ употребленіи, нынѣ составляютъ уже рѣдкость; умѣніе играть на нихъ замѣчается лишь у стариковъ, и арфы находятся въ пренебреженіи. Пѣсня нынѣ поется безъ аккомпанимента на арфѣ. Въ прежнія времена полувѣрцы были робки и скрывались при появлѣніи въ деревнѣ священника; дѣтей своихъ они пугали попомъ: *rarr tuleb!* Теперь къ духовнымъ лицамъ они относятся съ большимъ уваженіемъ; женщины, подавая что-нибудь священнику, дѣлаютъ ему поклонъ въ поясъ. Пѣть или играть на арфѣ молодежь не рѣшается безъ предварительного позволенія священника. Но предъ чужими людьми, одѣтыми по-господски, они въ противоположность лифляндскимъ и эстляндскимъ Эстамъ, не чувствуютъ никакого страха и, встрѣчая или видя ихъ, они прескокойно дѣлаютъ свое дѣло и не обнаруживаютъ ни малѣйшаго стѣсненія. Въ противоположность Русскимъ ихъ характеризуютъ почтительными, вѣжливыми, покорными властямъ, тогда какъ въ иныхъ русскія деревни волостныя власти вѣзжаютъ со страхомъ. Съ другой стороны они упорны, и за малѣйшую обиду обращаются къ суду и требуютъ удовлетворенія. Вообще въ противоположность Эстамъ, порабощеннымъ Меченосцами въ XIII в., они имѣютъ характеръ открытый, прямодушный, довѣрчивый; они гостепріимны, смѣлы, не угрюмы, хотя и задумчивы и сосредоточены. По трудолюбію они сходятся съ балтiйскими Эстами: при наймѣ, напр., на работу или на подводу, они соглашаются и за незначительное вознагражденіе, тогда какъ Русскій предпочтеть пролежать на печи; хотя съ другой стороны, нужно сказать, имъ не достаетъ бережливости, доходящей до скучности у балтiйского Эста. Работы они исполняютъ честно, и помѣщики бываютъ довольны ими. Женщины, какъ у полувѣрцевъ, такъ и у Русскихъ, не косятъ сѣна, чего нѣтъ въ Прибалтiйскомъ краѣ.

Хотя въ настоящее время большинство полувѣрцевъ—преданный чада православной церкви, но черты язычества въ ихъ религіозныхъ представленияхъ довольно замѣтны. Еще понынѣ особенного усердія къ посѣ-

щенію церкви они не выказываютъ. Священники замѣчаютъ, что прихожане, живущіе вдали, близъ Лифляндской губерніи, крайне рѣдко являются въ церковь. Издавна они привыкли къ домашнему богослуженію, или вѣрнѣе идолослуженію. Еще нынѣ въ каждомъ домѣ можно найти подъ кіотомъ или въ немъ глиняный горшочекъ съ ручкой, служащій кадиломъ, ладонницу, сплетенную изъ тонкихъ сосновыхъ корней, футляръ для свѣчи длиною пять—шесть вершковъ, въ диаметрѣ одинъ вершокъ, сплетенный также изъ тонкихъ сосновыхъ корней. Кіоты деревянные съ вырѣзными узорами. На кіотѣ виситъ полотенце вышитое по концамъ. Свѣчи восковые, возжигаемыя предъ иконами, во многихъ мѣстахъ приготавляются еще теперь дома. Безъ дара Богу въ видѣ свѣчи полузвѣрецъ молиться не станетъ, ибо каждый изъ нихъ считаетъ необходимою обязанностью поставить предъ иконой хотя двухъ-копѣчную свѣчу. Бѣднѣйшіе, являясь въ Печеры на богомолье, приносятъ съ собою 3—4 яйца и за нихъ получаютъ въ лавкѣ двухъ-копѣчную свѣчку. Старожилы еще помнятъ, что въ глухи, именно въ такъ называемомъ Макарлугѣ въ Тайловскомъ приходѣ и въ Дому (эст. Luha) въ Паниковскомъ приходѣ у Лифляндской границы, существовали свои попы — старцы, совершившіе домашнее богослуженіе, которое въ прежнее время совершалось открыто. Рассказываютъ, что одинъ изъ бывшихъ тайловскихъ священниковъ съ волостными властями, заставъ празднующихъ врасплохъ, обличалъ ихъ въ идолослуженіе и увѣщевалъ посѣщать церковь Божію. Послѣ этого, будто, открытое служеніе въ Макарлугѣ прекратилось и обратилось въ тайное, домашнее. Но и теперь уголь этотъ темный, и мѣстный причтъ не ѻздитъ туда съ „молитвой“, за сборомъ руги. По преданію, у полузвѣрецъ нынѣшняго тайловскаго прихода и сосѣднихъ лифляндскихъ Эстовъ было общее мѣсто богослуженія въ обширномъ бору на с.-в. отъ м. Орава и къ югу отъ Пауленгофа. Здѣсь въ заповѣдной сосновой рощѣ собирался народъ и совершались жертвоприношенія подъ руководствомъ жрецовъ-поповъ. И действительно, у окрестныхъ лифляндскихъ Эстовъ эта священная мѣстность называется „Bohomola palo“, т. е. боръ богомола. Можно думать, что такое же мѣсто богослуженія было около русской деревни Богомолова въ Паниковской волости, близъ Лифляндской границы. Тамъ есть и часовня. Въ Макарлугѣ лишь въ недавнее время стало выводиться языческое служеніе. Наканунѣ Троицы въ каждомъ дворѣ варилось пиво, которое затѣмъ свозилось въ одинъ дворъ, гдѣ въ этотъ годъ должно было совершаться празднество. Мѣсто празднства каждый годъ избиралось другое, и хозяинъ праздника узнавался такъ: на утро до разсвѣта возились между

собою, стараясь окровавиться; у кого первого появилась кровь, тот и считался хозяиномъ, у которого на слѣдующій годъ долженъ быть спра- вляться праздникъ. На праздникъ приходили съ каждого двора только хозяинъ и хозяйка. Здѣсь служили какому-то „Реко Jumal“, т. е. богу Пеко, зажигали черныя свѣчи и предъ круглымъ образкомъ (? идолъ). Въ началѣ пиршства обращались къ нему съ возваніемъ: „Реко, Реко, tule ölut juoma, taatma maitsma!“ т. е. Пеко, Пеко, иди пить пиво, вкушать сладчайшаго! Жрецъ-старецъ приносилъ ему какую-то жертву. Въ прежнее время у жителей этой глухи одинъ старецъ долго слылъ за Реко Jumala rapp. Жители этого темнаго угла прозывались другими Реко Jumala pallejad, т. е. поклонники бога Пеко, что считалось высшимъ оскорблѣніемъ. Мѣстному священнику эти идолопоклонники ничего не открывали даже на исповѣди и обижались, когда ихъ спрашивали объ этомъ. Покло- неніе Пеко должно быть очень древнее. Что это за богъ, у Эстовъ не осталось объ этомъ никакого воспоминанія даже въ языкѣ, но у Финновъ peiko, peikko — привидѣніе, бѣсъ; rekko — полевикъ, полевой духъ. Очевидно, и у Финновъ объ этомъ существѣ осталось лишь темное представ- леніе. Если отожествлять Реко съ эстонскимъ Pitkne, Pike (богъ грома и молний) или съ общеславянскимъ Перунъ и латышскимъ Pehrkons, то получилось бы болѣе ясное понятіе объ этомъ праздникѣ. Время празд-ника — весна благопріятствуетъ такому мнѣнію.

И на современныхъ христіанскихъ празднествахъ полувицы прояв- ляютъ крайне грубыя языческія представленія. Такъ, напр., въ Николь- ской церкви въ Печерскомъ монастырѣ помѣщается грубое изваяніе изъ дерева св. Николая Чудотворца въ ризахъ и митрѣ, лицо и ноги черныя, въ правой руцѣ мечъ, въ лѣвой — миниатюрный видъ многоглавой церкви, на груди старинное женское украшеніе — лента въ длину дюйма 4, въ ши- рину $1\frac{1}{2}$ д., вышитая кораллами. Въ день Святителя это изваяніе обкла- дывается снизу до верху лепешками и кадками съ масломъ и творогомъ, такъ что его и не видно. Еще до недавняго времени, лѣтъ десять тому назадъ, невѣжественные богомольцы, молясь предъ изваяніемъ, обмазывали его губы масломъ и творогомъ. Сохранившіяся въ нѣкоторыхъ церквяхъ деревянные руки, ноги и другія части статуй святыхъ свидѣтельствуютъ о большомъ распространеніи такого культа въ прежнія времена. О празд- нованіи Аннѣ Праведной 25 іюля въ Сульникахъ Паниковскаго прихода и Малой Троснѣ Верхоустенскаго прихода, гдѣ существуютъ часовни во имя этой святой, разсказываютъ также, что подставляя къ иконѣ прино- шенія въ видѣ бараньихъ головъ, ногъ и шерсти, приговариваютъ: „Ашка,

Ашк! йсь баашка!“ Вообще всякий праздникъ обязательно сопровождается приношениемъ въ церковь или часовню известныхъ продуктовъ скотоводства или земледѣлія, напр., на праздникъ въ честь Аллилуи или, у полувѣрцевъ, „Luja rѣha“, празднуемомъ въ Паниковичахъ, приносятся въ церковь яйца, масло, творогъ; все это кладется на столъ предъ иконой, при чёмъ возсыпаются молитвы къ святой Аллилуи или rѣha Luja. Въ Петровъ день приносятъ въ церковь сыръ и масло. Въ праздникъ Власія, у полувѣрцевъ Ulase rѣha, въ четвергъ на масляной недѣлѣ, причть въ Тайловскомъ приходѣ ѿздѣтъ по ближайшимъ деревнямъ съ молитвой, собирая ругу въ видѣ масла и творога. Всѣ приношения въ церкви или часовни на праздникахъ раздаются причту и нищимъ; послѣднихъ собирается обыкновенно очень много, иногда больше даже, чѣмъ остального народа. Немалымъ почитаніемъ въ прежнія времена пользовался и Титовъ Камень, находящійся въ четверти версты къ западу отъ Печерскаго монастыря, въ ручье Каменцѣ, протекающемъ черезъ монастырь. Камень этотъ въ длину 2 саж., въ ширину 1 саж., въ вышину надъ землей болѣе аршина. Поверхность и одинъ бокъ довольно ровны. Праздникъ около него совершался во вторникъ на Ѣоминой недѣлѣ, въ Радоницу. Недалеко отъ камня, къ западу, въ высокомъ крутомъ берегу ручейка съ юго-восточной стороны находится пещера въ длину саженъ шесть, съ небольшими боковыми углубленіями. По преданію, въ ней жилъ нѣкогда отшельникъ Титъ, по имени которого и названъ камень. Поклоненіе камню прекратилось съ тѣхъ поръ, какъ архимандритъ монастыря Антоній (1835—1844) побѣхъ на мѣсто празднества съ головой пригорода и палкой разогналъ всѣхъ приносившихъ жертву, опрокинулъ и разбилъ чашки и ведерки съ масломъ и творогомъ.

Болѣе общимъ и великимъ почитаніемъ пользуется другой камень, такъ называемый Jaani kiwi, Ивановъ камень, въ Ивановъ день. Камень этотъ находится при большой деревнѣ Мегузица (эст. Meeksi), какъ разъ на лифляндской границѣ, при ручье Мегузицѣ, недалеко отъ Новгородка (Нейгаузена). Въ грамотѣ Ивана Васильевича Псково-Печерскому монастырю въ 1561 г. этотъ камень именуется Теплымъ Камнемъ, на курганѣ при ручье, и служилъ тогда однимъ изъ пограничныхъ знаковъ. Какой величины былъ онъ въ то время—неизвѣстно, но нынѣшніе старожилы говорятъ, что на ихъ памяти онъ имѣлъ въ диаметрѣ сажень и въ вышину аршинъ. Въ послѣдующее время онъ подвергался неоднократному разрушенню. Такъ, напримѣръ рассказываютъ, что одинъ арендаторъ Новгородскаго имѣнія, на земль котораго онъ лежалъ, приказалъ разнести его и изъ облом-

ковъ его сдѣлалъ фундаментъ стойла, однако, говорять поклонники камня, вскорѣ скотъ и лошади его стали падать, и арендаторъ былъ привужденъ принести обломки назадъ. Говорятъ также, что одна нечестивая Латышка бросила кусочекъ камня въ близъ текущій ручеекъ, отъ чего она сильно заболѣла, и выздоровѣла лишь послѣ того, какъ положила его на прежнее мѣсто. Вообще разсказовъ, подобныхъ приведеннымъ, въ устахъ народа встрѣчается немало. Въ настоящее время на поверхности земли лежитъ одинъ большой обломокъ, приблизительно $2\frac{1}{2}$ фута въ длину и нѣсколько менѣе въ ширину. Маленькихъ обломковъ видно два. Изъ земли тутъ же торчатъ еще 3—4 малыя оконечности. По разсказамъ старыхъ людей, на этомъ камнѣ сидѣли Іоаннъ Креститель и Ап. Петръ, умывали ноги въ близъ лежащемъ ручейкѣ и обувались. По нѣкоторымъ, Іоаннъ Креститель оставилъ на камнѣ слѣды своихъ ступней. Изъ упомянутаго акта Ивана Грознаго известно, что Теплый камень находился на курганѣ, а, по народному преданію, плоскогорье, при подошвѣ которого лежать нынѣ обломки, служило въ древности кладбищемъ; послѣднее существовало здѣсь еще до постройки Тайловской церкви, къ приходу которой причисляется деревня Мегузица. На одномъ мѣстѣ, гдѣ берутъ песокъ, можно замѣтить, что земля здѣсь смѣшанная; слѣдовъ погребенія никакихъ не осталось; только въ двухъ мѣстахъ можно усмотрѣть возвышенности, похожія на могильные холмы. Къ сѣверу отъ этого камня, за ручьемъ, на Псковской землѣ находится часовня, посреди которой подъ иконой лежитъ часть этого камня. Предъ часовней высится гигантскій кленъ, береза и ива, другая ива растетъ близко къ Иванову камню. По всей вѣроятности, въ древности вся эта мѣстность была покрыта священною рощей, гдѣ хоронили покойниковъ и приносили имъ на камнѣ у ручейка жертву. Въ настоящее время празднество около камня совершаются слѣдующимъ образомъ. Наканунѣ Иванова дня начинаетъ стекаться сюда народъ изо всего Псково-Печерскаго края. Большая часть везетъ съ собою дары: масло, творогъ, лепешки, яйца и т. п. Сюда же прїѣзжаетъ и причеть Тайловской церкви совершать въ часовнѣ молебны. И вотъ уже съ вечера начинается невыразимая давка въ часовнѣ и около нея, ибо всякий стремится поставить здѣсь свѣчу, поднести къ иконамъ дары и помолиться. Одновременно съ этимъ у камня собирается масса нищихъ, по преимуществу изъ Лифляндіи, и суевѣрныхъ богомолокъ. Лифляндскіе нищіе распѣваютъ здѣсь лютеранскія церковныя пѣсни, за что набожный щедрый богомолокъ богато расточаютъ имъ милостыню. Поклоненіе и жертвоприношеніе проявляется здѣсь различно: большая часть богомолокъ приходитъ сюда со свѣчей и кадкой съ масломъ и

творогомъ. Свѣча сжигается на камнѣ, а изъ кадки обязательно берутъ ложкой творогъ или масло и бросаютъ на камень (очевидно, это жертва камню); потомъ ставятъ на него или подъ него кадку; совершаютъ камню нѣсколько поклоновъ съ крестнымъ знаменіемъ и иногда цѣляютъ камень; затѣмъ содержимое кадки дѣлится ложкой между тѣснящимися къ камню нищими; иная при такихъ же церемоніяхъ кладеть на камень хлѣбъ, тряпье, лапти и раздаетъ также нищимъ, наблюдая при этомъ, чтобы эти дары предварительно непремѣнно лежали на камнѣ или коснулись его; другая беретъ кусокъ камня и прикладываетъ его къ животу, къ шеѣ и другимъ мѣстамъ. Такъ продолжается до полудня Иванова дня, когда богомольцы начинаютъ разѣзжаться. Въ 1885 году, когда мнѣ пришлось тамъ быть, въ народѣ ходила молва, что на мѣстѣ, где находится камень, предполагаютъ построить православную (по инымъ, лютеранскую) школу, такъ что камень послужить ей фундаментомъ; нѣкоторые же утверждали, что обломки камня, по приказанію русскаго священника, будутъ отвезены отсюда въ другое мѣсто для постройки школы. Тогда же находился здѣсь сомнительный нищій изъ Лифляндіи, который велъ двусмысленныя рѣчи, направленныя противъ такого нечестиваго обожанія камня, жаловался, что богатымъ даютъ, а бѣднымъ нѣтъ, предлагалъ поставить ограду вокругъ камня для правильнаго распределенія приношеній, грозилъ бросить камень въ ручей, если ему не дадутъ милостыни и т. д. Въ поклоненіи камня принимаютъ участіе почти исключительно полувѣрцы; Русскіе ограничиваются только молебномъ въ Мегузицкой часовнѣ. Поклоненіе камню, повидимому, коренная привычка полувѣрцевъ. Въ Паниковскомъ волостномъ правленіи года 4 назадъ разбиралось дѣло о томъ, что одна полувѣрка купила у Чухонца камешекъ за 25 копѣекъ; соседка ся, замѣтивъ его у играющихъ дѣтей, отняла и отказалась возвратить цѣликомъ, а только половину. Она очевидно предавала камень свѣтѣ, иначе не было бы

честь Тарасьевъ П. естъ обѣдъ дѣтей въ часовнѣ Русской, а не полувѣрцевъ. Зачеркнѣа церковь построена на хладилѣ, на которой имѣется

камень, нужно думать, что и тѣкоть была священная рѣша, въ которой хоронили покойниковъ и ссыпалася жертва приношенія. Еще выѣхѣ ближайшая къ церкви громадная признана священнаю, ибо богомольцы считаютъ своимъ долгомъ прикасаться къ ней и сидѣть подъ нею. На нѣкоторыхъ могилахъ поставлены просто продолговатые небольшіе камни; сохранились склонинки четырехъ каменныхъ крестовъ. Но не эти проделы

привлекаютъ сюда массы народа, а богоявленный крестъ. Крестъ этотъ четырехконечный, въ діаметрѣ дюймовъ шесть, въ толщину дюйма два, грубо обдѣланъ изъ сѣраго гранита; на немъ вырѣзано изображеніе осмиконечнаго креста. Большинство на вопросъ объ его происхожденіи отвѣчало: „Господь его знаетъ“; но иѣкоторые утверждаютъ, что, по преданію, онъ былъ найденъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въпослѣдствіи поставлена церковь. Утверждали также, что на немъ существуетъ надпись, кою повелѣвается поставить на этомъ мѣстѣ церковь; но, на самомъ дѣлѣ, никакой надписи не имѣется. Говорить далѣе, что крестъ этотъ былъ найденъ одновременно съ богоявленной иконою св. Пятницы, хранящейся нынѣ во Псковскомъ Троицкомъ соборѣ. Св. Пятница оставила здѣсь свое имя, именно этотъ крестъ, и стала онъ ей угоденъ, ибо многія чудеса бываютъ черезъ него. Крестъ этотъ обыкновенно лежитъ въ церкви на аналоѣ и можетъ быть въ любое время вынесенъ изъ церкви, если кто попроситъ, чтобы его обнесли кругомъ церкви. Онъ обносится кругомъ церкви большою частью по обѣту, въ болѣзняхъ и несчастьяхъ. Обнесеніе происходитъ противъ солнца. Къ Ильинской пятницѣ въ Зачеренѣе съѣзжается народу больше, чѣмъ на другіе мѣстные праздники, такъ какъ въ этотъ же день здѣсь бываетъ ярмарка. Ношеніе креста начинается ужъ наканунѣ въ четвергъ и продолжается вплоть до вечера пятницы. Въ то время какъ въ церкви при страшной давкѣ народа безпрерывно служатъ молебны, пѣлая толпа людей, которые могутъ двигаться только впередъ, касаясь креста, обходить вокругъ церкви, оставляя между собою подъ крестомъ пустое пространство для суевѣрныхъ богомольцевъ, нагинающихся другъ за другомъ и образующихъ такъ цѣлую вереницу, чрезъ которую проносится крестъ. Во время ношенія крестъ, большою частью, лежитъ на головѣ одного, а остальные стараются только держаться или касаться его. По обнесеніи его каждый изъ участвовавшихъ въ процессіи считаетъ своимъ долгомъ приложиться къ нему. Къ помощи креста прибѣгаютъ большою частью престарѣлые, хворые и больныя лица, особенно женщины съ младенцами на рукахъ, а также мальчики и девочки; менѣе благоговѣнія къ нему замѣтно со стороны молодыхъ парней и девицъ. Крестъ этотъ прикладывается къ больному мѣсту, послѣ чего полагается ему земной поклонъ. При ношеніи креста, на него накладываются деньги, крестики съ лентами или безъ нихъ, тряпки, ленты и т. п. У сѣверного угла церкви стоитъ поставленный причтомъ человѣкъ, который собираетъ деньги, крестики и проч., чтѣ даютъ богомольцы за ношеніе креста. Въ церкви крестъ хранится въ хорошо обдѣланномъ футлярѣ, открытомъ сверху для прикладыванія. Въ 1885 г. при обношеніи кругомъ церкви

футляръ этотъ, снизу уже подгнившій, сломался, и его обносили послѣднюю часть праздника безъ футляра. Нѣкоторыя престарѣлые женщины богомолки были обвѣшаны мѣшечками съ неизвѣстными въ нихъ талисманами. Кромѣ заказыванія молебновъ и ношенія креста, богомольцы отправляютъ нѣкоторымъ образомъ тризну по умершимъ роднымъ, закусывая на ихъ могилахъ. Необходимо принадлежностью этого праздника нужно считать пѣвчихъ-нищихъ изъ Островскаго уѣзда Псковской губ., такъ называемыхъ костоломовъ, съ мѣшками во всю спину. Въ Зачеренѣи они расположились у входа на кладбище въ двѣ кучи, по три человѣка вмѣстѣ. Опираясь на свои палки лицами другъ къ другу, съ опущенными глазами, они безумолчно распѣваютъ въ три голоса духовныя пѣсни и поминовеніе родныхъ. Не престанно подходятъ къ нимъ одна за другой набожная полувѣрки, произносятъ имя лица, которое хотятъ помянуть, и, постоявъ три-четыре минуты, пока костоломы окончатъ пѣніе поминовенія, раздаютъ за поминовеніе ломти хлѣба, лепешки, яйца, творогъ, сыръ и т. п. и отходить; это продолжается безпрерывно за исключеніемъ того времени, когда служить обѣдю. Само собою разумѣется, что поминовеніе остается совершенно не понятнымъ суевѣрною набожной полувѣркой, развѣ только она можетъ разобрать въ немъ имя поминаемаго или поминаемой и какое-либо церковное выраженіе. Поминовеніе гласитъ такъ: „Помяни, Господи, во царствіи небесномъ всѣхъ сродниковъ, царей, патріарховъ и всіхъ православныхъ христіанъ! Помяни, Господи, батюшекъ родныхъ и матушекъ родныхъ! Помяни, Господи, батюшекъ крестныхъ и матушекъ крестныхъ, бабушекъ пупорѣзныхъ! Помяни, Господи, во царствіи небесномъ дѣдушекъ и бабушекъ и дядюшекъ и тетушекъ, братьевъ и сестеръ, младыхъ младенцевъ и всѣхъ красныхъ дѣвицъ, сиротъ и вдовъ, безпріютныхъ головъ, на огнѣ сгорящихъ, на водѣ потопляющихъ, въ лѣсу заблудящихъ, во звѣри съѣдящихъ, деревомъ біеныхъ, громомъ біеныхъ, молоною зажженыхъ, затюремныхъ заключенныхъ, въ дальную землю заведенныхъ! Помяни, Господи, всіхъ православныхъ христіанъ, царей, патріарховъ, князей, бояръ въ царствіи небесномъ со святыми молитвами и сотвори имъ вѣчную память! (3 раза). При послѣднемъ словѣ пѣвцы и просительница осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Бываютъ здѣсь на ярмаркѣ и Эсты изъ Лифляндіи, съ недоумѣніемъ смотрящіе на обожаніе каменаго креста и сомнѣвающіеся въ томъ, чтобы этотъ камень могъ исцѣлять болѣзни. Однако глубокая живая вѣра суевѣрныхъ богомольцевъ по видимому производить на этихъ послѣдователей разсудочнаго сухаго культа Лютера убѣдительное впечатлѣніе.

Вообще, кругъ религіозныхъ понятій у полувѣрцевъ очень бѣденъ, ре-

лигіозность стоитъ на степени чувственного поклоненія, носящаго несомнѣнныя слѣды язычества. Они, повидимому, питаютъ большое благоговѣніе къ иконамъ, которыхъ отличаются рѣзкими очертавіями или суровыми, страшными выраженіями изображаемыхъ лицъ. Свѣчи, иногда собственного издѣлія, и произведенія домашняго хозяйства составляютъ непремѣнную часть ихъ молитвы предъ святыми иконами. При этомъ они крѣпко обижаются, если не дадутъ догорѣть поставленной предъ образомъ свѣчѣ. Все это вполнѣ понятно. Въ религіозномъ отношеніи полузвѣрцы находятся въ исключительномъ положеніи: пастырей и пасомыхъ, церковь и народъ, раздѣляютъ другъ отъ друга взаимное непониманіе; во всемъ краѣ лишь одинъ священникъ (Тайловскій) можетъ объясняться со своими прихожанами на ихъ родномъ языкѣ. Положеніе остальныхъ, какъ пастырей, довольно затруднительное: напр., на исповѣди приходится обращаться къ помощи переводчиковъ. Само собою разумѣется, что здѣсь немыслимо живое общеніе между церковью и народомъ, и потому полузвѣрцы до сихъ поръ воспитаны исключительно на обрядахъ православной церкви и знаютъ только требованія церковнаго устава: „Я только то исполняю, что въ уставѣ сказано, а ничему другому не повѣрю“ — характерное выраженіе, которое мнѣ пришлось услышать. Связь съ духовными пастырями у нихъ болѣе вещественная: они обязаны, по обычаю, содержать своихъ пастырей и платить имъ за требы. Руга, которая полагается здѣсь во всемъ краѣ, бываетъ не вездѣ одинаковая; она состоить изъ одной мѣры хлѣба, вмѣщающей въ себѣ 8 гарнцевъ. Зажиточные даютъ мѣру ржи, а бѣднѣйшіе иногда туже мѣру картофеля. Въ Изборской странѣ привыкли давать больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Кроме того причеть нѣсколько разъ въ годъ ѻздить по приходу „съ молитвою“ для сбора руги и, смотря по времени года, собираетъ то масло, творогъ, яйца, то хлѣбъ, зерна, то мясо. За отдѣльные требы причеть получаетъ, напр., за сороковую молитву — лапти, являясь къ батюшкѣ съ просьбою обвенчать, проситель дарить овчинку, послѣ вѣнчанія — перчатки, чулки и т. д. Но въ отдаленныхъ отъ церкви, глухихъ деревняхъ и этой связи нѣтъ. Тамъ полузвѣрцы выростаютъ и умираютъ въ суевѣріяхъ и язычествѣ, руководимые своими колдунами, врачами „арбузами“, къ которымъ они обращаются за помощью во всѣхъ бѣдахъ и недугахъ. И лишь когда тѣ не помогутъ, то являются къ священнику, прося его отчитать заклинательную молитву. Такъ, напр., въ Паниковскомъ приходѣ въ дер. Любры въ Лому въ 1884 г. умеръ колдунъ Иванъ, 30 лѣтъ не ходившій на причастіе. Правдоподобенъ поэтому распространенный анекдотъ, что въ Обозерьѣ одна полузвѣрка въ спорѣ упрекнула другую тѣмъ.

что у нея ребенокъ не крещенъ (а ребенку было уже около 10 лѣтъ). Это ее оскорбило, и супруги рѣшили окрестить мальчика. Отецъ отправился къ священнику. Узнавъ, что десятилѣтній ребенокъ еще не крещенъ, священикъ съ негодованіемъ плонулъ, обозвавъ мужика харей. Тотъ, услышавъ слово харя, поблагодарилъ батюшку за данное имя и отправился домой. Отсюда мальчикъ сталъ называться Харей.

Древняя чистота нравовъ полувѣрцевъ начинаетъ въ новѣйшее время быстро портиться. Тамъ, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ, и именно вдали отъ Печоръ и Изборска, не знали еще употребленія замковъ, гдѣ воровства и слышно не было, теперь каждый можетъ и за замками опасаться за цѣлость своего имущества. Особенно сильно развилось конокрадство. Имъ заражены бываютъ цѣлыя семейства и деревни. Въ Лифляндіи Печерцы пользуются самой дурной репутацией; полувѣрцы,ѣздащи туда съ глиняными издѣліями, говорятъ, что тамъ не даютъ имъ ночлега, если сказать, что они изъ Печерской страны; зная это, они выдаютъ себя обыкновенно за жителей Пейпусского побережья. Однако известная добродѣтель Эстовъ и Финновъ—цѣломудрѣ еще въ настоящее время очень уважается; нарушение супружеской вѣрности никогда не встрѣчается; оно считается самымъ гнуснымъ порокомъ.

Полувѣрцы не отличаются чистоплотностью: новорожденныхъ дѣтей приносятъ крестить такихъ грязныхъ, что священнику нерѣдко приходится предварительно вымывать ихъ. Избы большую частью курные, иногда съ задвижными или „локовыми“ окнами; полы еще во многихъ мѣстахъ земляные; мебель состоять изъ стола, лавки, двухъ-трехъ скамеекъ. Зимой, когда топится печь, передъ ея отверстиемъ въ одномъ углу обыкновенно виситъ котелъ, въ другомъ сидеть ребенокъ. Единственный отхѣжий промыселъ, которымъ полувѣрцы занимаются (именно, въ Зачеренскомъ приходѣ)—это продажа глиняной посуды въ Лифляндіи, въ зимнее время; кроме того покупаютъ старыхъ лошадей въ Лифляндіи (оттого старые клячи и называются по ихъ имени Setuke), шкуру снимаютъ, а мясо продаютъ въ Нейгаузенъ на фабрику, гдѣ изъ него приготавливается удобрительное вещество. Въ сѣверныхъ приходахъ они особенно любятъ табакоскurenіе. У каждого имѣется трубка и на поясѣ висить мѣшечекъ для спичекъ. Даже некоторые женщины имѣютъ трубки. У балтѣйскихъ Эстовъ, своихъ братьевъ, полувѣрцы служатъ предметомъ посмѣшища; Setu считается унизительнымъ, презрѣннымъ прозвищемъ.

Книжного образования у полувѣрцевъ нѣть никакого; только немногіе изъ мужчинъ умѣютъ читать и писать, разумѣется, по-русски. Невѣро-

говорятъ, что они боятся грамотности, какъ заразы, и всѣми мѣрами стараются освободить своихъ дѣтей отъ обученія въ сельскихъ школахъ. Дѣло въ томъ, что дѣти ихъ не понимаютъ русской рѣчи, не могутъ обучаться учителями, которые не знаютъ полуѣрческаго нарѣчія. Этимъ и объясняется, почему процентъ полуѣрческихъ дѣтей въ школахъ такъ незначителенъ въ сравненіи съ Русскими и почему, напр., изъ Тайловскаго прихода нѣкоторые отдавали своихъ дѣтей въ Лифляндію, въ Гаангофское православное училище. Вообще учителя неохотно принимаютъ дѣтей полуѣрцевъ, ибо грамота имъдается гораздо труднѣе, чѣмъ Русскимъ, напр., они вмѣсто у произносять ю, вмѣсто з—с, вмѣсто ч—ц, а—нѣчто среднее между а и о. А шипящіе звуки ж, ч, ш, щ, которымъ нѣть соответствующихъ въ языке полуѣрцевъ, даются имъ еще труднѣе. Между тѣмъ школьнное образованіе есть единственное дѣйствительное средство сближенія и слитія полуѣрцевъ съ Русскими. Замѣчено, что дѣти полуѣрцевъ, кончившія курсъ въ земскихъ школахъ, большую частью перестаютъ носить національный костюмъ и говорить на родномъ языкѣ.

Нѣкоторые русскіе писатели, касавшіеся жизни полуѣрцевъ, высказываютъ весьма превратное сужденіе о полномъ отсутствіи у полуѣрцевъ дара духовнаго творчества, между тѣмъ какъ у нихъ, на самомъ дѣлѣ, замѣчательное богатство пѣсень, сказокъ, загадокъ, пословицъ и т. п. Правда, въ новѣйшее время уже мало сохранилось пѣсень эпическихъ, миѳическихъ и историческихъ, но за то бытовыхъ, особенно свадебныхъ, можно слышать еще теперь очень много. Мотивъ пѣнія крайне однообразенъ: я слышалъ только два мотива, состоящіе изъ двухъ колѣнъ. Пѣсня обыкновенно поется хоромъ, причемъ запѣвала, импровизаторъ, начинаетъ всегда четырехстопнымъ трохеемъ, по окончаніи которого хоръ повторяетъ его. Въ то время импровизаторъ припоминаетъ другой параллельный стихъ, который поется также и т. д. Въ существующихъ нынѣ сборникахъ эстонскихъ народныхъ пѣсень, помѣщается не мало пѣсень, добытыхъ именно у полуѣрцевъ. И нужно сказать, они отличаются большею оригинальностью и древностью, чѣмъ пѣсни Эстовъ балтійскихъ, въ которыхъ большую частью замѣтно влияніе новѣйшей культуры. Я считалъ излишнимъ записывать пѣсни полуѣрцевъ, такъ какъ балтійские собиратели Д-г. Гуртъ и Д-г. Веске неоднократно посѣщали полуѣрческій край для собираянія произведеній народнаго творчества и возвращались всегда съ богатою добычею. Д-г. Гуртъ, уже известный изданіемъ нѣсколькихъ книгъ народныхъ пѣсень, предполагаетъ издать сборникъ спеціально произведеній духовнаго творчества полуѣрцевъ, который, нужно ожидать, будетъ содержать немаловажный и богатый этно-

графической материалъ. Особенно процвѣтаетъ у полувѣрцевъ свадебная пѣсня, безъ которой немыслима ни одна свадьба. Свадебная пѣснь соединяется, нѣкоторымъ образомъ, съ драмой: образуется два хора изъ гостей и родныхъ жениха и невѣсты; каждый хоръ восхваляетъ своего новобрачнаго (или новобрачную) и порицаетъ другаго. Каждый хоръ выбираетъ известнѣйшаго пѣвца запѣвалой, и они здѣсь состязаются въ искусствѣ составлять стихи. При такихъ случаяхъ и совершаются пѣснотворчество, изучаются подростающимъ поколѣніемъ пѣсни и передаются такимъ же способомъ потомству. Пѣніе вообще составляетъ самое пріятное времяпрепровожденіе у полувѣрцевъ, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. По вечерамъ въ сумерки, проходя по деревнѣ, вы во многихъ домахъ услышите пѣніе и, входя въ избу, вы видите группу, по срединѣ которой сидитъ старецъ запѣвала, а молодые вторятъ ему. Кроме того, для подростающаго поколѣнія существуетъ другая школа изученія сказокъ и загадокъ—это спрядки, на которыхъ собираются въ зимніе вечера исключительно дѣвушки. Потому-то дѣвушки знаютъ болѣе другихъ сказокъ и загадокъ.

Въ послѣднее время полувѣрцы подвергаются въ національномъ отношеніи двойному вліянію—Русскихъ и лифляндскихъ Эстовъ. Обрусѣніе, хотя и медленное, замѣтно подвигается впередъ на восточной сторонѣ ихъ поселеній, особенно около Изборска. „Пустой языкъ: имъ только до Печерь можно дойти“—сказалъ тамъ одинъ почтенный полувѣрецъ. Съ другой стороны, могущественное религіозно воспитывающее дѣйствіе на полувѣрцевъ святыни Псково-Печерского монастыря, продолжающееся уже нѣсколько столѣтій, очень сильно отразилось на ихъ религіозныхъ понятіяхъ въ православномъ духѣ. Однако со времени переселенія въ этотъ край многихъ семействъ Эстовъ лютеранъ изъ Лифландіи, что произошло лѣтъ 20 тому назадъ, полувѣрцы стали подвергаться вліянію лютеранскихъ воззрѣній на иконопочитаніе и посты; слабые слѣды такого вліянія уже обнаруживаются въ Печерской странѣ, въ сосѣднихъ съ лютеранскимъ молитвеннымъ домомъ въ селѣ Лазаревѣ полувѣрческихъ деревняхъ.

Число полувѣрцевъ въ настоящее время трудно опредѣлить въ точности. Дѣло въ томъ, что въ однихъ деревняхъ они сроднились съ Русскими, въ другихъ уже почти обрусѣли. Кроме того они обижаются, когда ихъ зовутъ полувѣрцами; въ то же время они строго отличаютъ себя отъ лифляндскихъ Эстовъ и предпочитаютъ называть себя Русскими или Setu. Въ слѣдствіе этого возможно только приблизительно опредѣлить ихъ число. Ниже у меня приведены двойныя числа, по ревизскимъ сказкамъ и метрическимъ записямъ. Данныя по ревизскимъ сказкамъ должны быть при

заны ближе къ истинѣ, хотя, нужно думать, полуварцевъ нѣсколько больше, чѣмъ сколько указываютъ эти данные, ибо въ нихъ къ полуварцамъ причисляются только такие жители, у которыхъ дома преобладаетъ чухонскій языкъ. Само собою понятно, что при такомъ правилѣ счисленія не мало полуварцевъ, находящихся на послѣдней ступени обрусѣнія, попали въ число Русскихъ. Метрическія же записи указываютъ отдельные полуварческія деревни, изъ которыхъ во многихъ живутъ и русскія или вполнѣ обрусѣвшія семейства; а такихъ семействъ не мало. Поэтому понятно, что число полуварцевъ, получаемое по метрическимъ записямъ, значительно превышаетъ действительное число, такъ что самое близкое къ истинѣ число должно занимать средину между обоими.

Въ настоящее время полуварцы живутъ въ одинадцати приходахъ приблизительно на половину съ Русскими, причемъ въ съверозападныхъ приходахъ преобладаютъ полуварцы, въ восточныхъ—Русские; въ общемъ числѣ Русскихъ оказывается во всемъ краѣ нѣсколько болѣе полуварцевъ. По приходамъ Русские и полуварцы распредѣляются такъ:

Верхостенскій . . .	2334	полув.	463	русс.
Тайловскій . . .	2237	"	826	"
Залѣскій . . .	1572	"	991	"
Зачеренскій . . .	1115	"	1346	"
Паниковскій . . .	1055	"	1519	"
Кулейскій . . .	1006	"	924	"
Печерскій 1-й . . .	952	"	1966	"
Изборскій . . .	811	"	2615	"
Колпинскій . . .	727	"	863	"
Печерскій 2-й . . .	643	"	1368	"
Мальскій . . .	389	"	334	"
Всего . . .	12841	полуварцевъ	13165	Русскихъ.

Къ сожалѣнію, я не имѣю всѣхъ данныхъ для гражданскаго счета, ибо списка полуварцевъ Слободской волости не было въ моемъ распоряженіи. Въ трехъ волостяхъ они распредѣляются такъ:

Печерская	5080
Паниковская	2119
Изборская	1023
Всего	8222.

По церковному счету всего въ приходахъ Колпинскомъ, Кулейскомъ и Верхостенскомъ, обнимающихъ Слободскую волость, полуварцевъ 4067

чел. Если прибавить это число къ 8222, то получится 12289—число, указывающее приблизительное количество полуварцевъ по гражданскому счету.

Въ приложении II, при названіяхъ полуварческихъ поселеній (ок. 250), не повсюду указано число жителей; я призналъ это излишнимъ и потому оставилъ свое первоначальное намѣреніе. Число дворовъ и географическое положеніе каждой деревни см. у И. Васильева: „Опытъ статист.—геогр. словаря Псковск. губ. Псковъ 1882 г.“ Замѣчательно, что громадное большинство названій полуварческихъ поселеній чисто русского происхожденія: полуварческія названія ихъ—только исказенная русскія и лишь нѣкоторыя чухонского происхожденія. Русскія названія большою частью происходятъ отъ личныхъ именъ, чухонскія—отъ предметныхъ. Преобладаніе русскихъ названій можно объяснить принадлежностью деревни или двора тому или другому помѣщику, имя которого переходило на нихъ; затѣмъ и личные имена крестьянъ, конечно, русскія, поселившихся гдѣ-нибудь на пустопорожнемъ мѣстѣ, также передавались поселеніямъ. Этотъ порядокъ передачи названій могъ имѣть мѣсто именно въ этомъ краѣ постоянныхъ опустошеній, войнъ, моровой язвы и т. п. Понятно, что по вымиранию или истребленіи туземныхъ жителей пришлые поселенцы, завладѣвъ оставшимися пустыми мѣстами, переносили на нихъ свои имена. Перемѣною владѣтелей поселеній и объясняется то обстоятельство, что они обыкновенно имѣютъ болѣе одного названія. А русскія названія укрѣплялись потому, что употреблялись въ офиціальномъ языке. Въ виду этихъ соображеній нельзя объяснить странного факта русскихъ названій полуварческихъ поселеній тѣмъ, что полуварцы нѣкогда заселяли русскія поселенія. Чаще должно было происходить противоположное явленіе, именно завладѣніе Русскими полуварческихъ поселеній, хотя безспорно эстонскіе бѣглецы изъ Лифляндіи во время господства тамъ Ордена поселялись здѣсь среди Русскихъ, какъ свидѣтельствуютъ акты XVI—XVII в. Не касаясь вопроса о времени поселенія во Псково-Печерскомъ краѣ полуварцевъ, о чёмъ я думаю написать особую статью, нельзя не признать того факта, что замѣчательнѣйший изъ игуменовъ Псково-Печерского монастыря Корнилій (+1570) ставилъ близъ рубежа дворы и деревни, пріобрѣвъ отъ Московскихъ князей пустопорожнія мѣста, и населялъ ихъ лифляндскими бѣглецами. Что первоначальное населеніе Псковской губ. и Псково-Печерского края въ частности принадлежало къ финскому племени, это не можетъ подлежать сомнѣнію: названія уроцищъ, рѣкъ, озеръ и вообще несмыслимыхъ предметовъ большою частью чудскаго происхожденія. Остатки подобныхъ названій, сравненныхъ

сь чудскими названіями въ другихъ мѣстностяхъ, даютъ возможность дѣлать иѣкоторыя заключенія о разселеніи и движеніи чудскихъ народностей въ доисторическія времена.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Загадки.

Безрогій бѣжитъ по полю, плѣшивый—въ кустарникѣ—мышь и лягушка.
Безъ дождя тянется, безъ росы ростеть—сажа.

Безъ рукъ, безъ ногъ, бѣжитъ вверхъ по угламъ. Дымъ.

Безъ языка говорить, безъ ума понимаетъ—часы.

Бѣлый камень подъ амбаромъ—вымя.

Бѣлая земля, черное сѣмя—бумага.

Бѣлая коровушка, черное молоко—береза и березовица.

Внизу вилы, вверху ранецъ, надъ ранцемъ щель, надъ щелью пещеры, за пещерами (*pelktus*), ворота *wärek*), надъ воротами лѣсь, (*tsiberik-tsaberik*) прислонившись къ горѣ—человѣкъ (ноги, желудокъ, ротъ, глаза, уши и волосы).

Всѣ волки вдоль, одинъ волкъ наперекрестъ подъ другими—потолокъ.

Въ длани, но не видишь—ухо.

Въ лѣсь несутъ величиною съ блоху, домой приносятъ величиною съ сырь—рѣпа.

Въ миску не льютъ, въ мисѣ не рѣжутъ, єсть нищій и господинъ (*saks*)—молоко матери.

Въ той землѣ рубятъ дубъ, щепки летять сюда—громъ.

Въ той странѣ снаряжаютъ невѣсту, наряды видны здѣсь—солнце.

Вѣночъ межъ когтей—углы избы.

Гибкое, круглое, на корточкахъ подъ верескомъ—ухо.

Гладкая подъ мостомъ, шаршая подъ верескомъ, мягкий подъ сосной—рыба, земля, грибъ.

Гладь (*liba*) дороги, скребница земли—соха и борона.

Гнѣздо въ землѣ, яйцо въ воздухѣ—хмѣль.

Голый человѣкъ, кафтанъ на деревѣ—свѣча.

Дарья за избой, сто гвоздей въ задницѣ—борона.

Два брата обвязаны однимъ поясомъ—пара кольевъ въ изгороди.

Два брата гонятся за двумя другими братьями, но никогда не могутъ догнать—четыре колеса телѣги.

Два брата работаютъ, третій въ гостяхъ—три поля (трехпольная система).—

Двѣ жерди полны бѣлыхъ курь—зубы.

Два закрома, полные жиру—ноздри.

Два пѣтуха по сторонамъ горы, никогда не сходятся—глаза.

Двѣнадцать лѣть назадъ былъ онъ мой отецъ, девять сутокъ я его мать; дитя, которое я кормила, былъ мужъ моей матери—отецъ и дочь. (За великое преступленіе отца заключили на вѣки въ тюрьму и обѣщали свободу только въ томъ случаѣ если онъ девять сутокъ пробудетъ безъ крошки. Его дочь, двѣнадцать лѣть тому назадъ вышедшая замужъ и имѣвшая ребенка, выпросила позволеніе нагая посѣтить его, поплакать и погоревать при немъ; она плакала и горевала, положивъ руку ему наплечо: онъ сосалъ грудь ея девять сутокъ.)

Деревенская собака сидить, считает звезды—журавль колодезный.
Дерево носить, кость пилить, лопата поворачиваеть—ложка, зубы, языкъ.
Деревянный сосудъ, глиняный мѣшокъ, нитяная плетенка (Riine pukri, sa-wine sakri, niitsine nikri)—печеніе хлѣбовъ (квашня, печка и сито).
Длиною съ дерево, шириной съ рукоятку веретена—сердцевина.
Длиннѣе деревьевъ, ниже травы—дорога.
Дубовая щепа, никогда не гниеть и не сохнетъ—языкъ.
Дьячокъ въ деревнѣ, попъ въ кустарникѣ—собака и волкъ.
Дѣти родились прежде матери—копна и копенки.
Желѣзный волкъ, пакляный хвостъ—игла.
Задъ медвѣдя полонъ занозъ—печь.
Заяцъ сидитъ середь деревень, считаетъ звезды—колодезный журавль.
Заяцъ на горѣ, желѣзныя порши на ногахъ—соха.
Заяцъ на горѣ, на ногахъ золотые башмаки—соха.
Зеленый гусь, голая голова—вѣникъ.
Зеленый гусь, голая голова, валить на землю старосту, на бокъ царя деревни (küla kuningas)—вѣникъ.
Злодѣй за замкомъ, благодѣтель за изгородью—ружье и соха.
Изба полна родныхъ, одинъ другого не узнаетъ—слѣды.
Каменистое поле, желѣзная соха, ростетъ сѣмя изъ березовой коры—кремень, огниво и трутъ.
Котелъ кипитъ въ вереснякѣ, безъ дровъ, безъ смоленины—муравейникъ.
Кошачій хвостъ черезъ море—дужка котла,
Красная коровушка, волосяный недоуздокъ—ключва.
Кривоногій дѣдушка выгоняетъ изъ стойла красныхъ лошадей—кочерга.
Кривоногій дѣдушка выгоняетъ изъ конюшни красныхъ лошадей; чѣмъ больше гонить, тѣмъ краснѣе лошади становятся—кочерга.
Куда несешься извиваясь, какова твоя работа, плѣшивая голова (rõit rãä)?—вода и покосъ.
Легче всего, а на избу не бросишь—перо.
Лѣсной пѣтухъ, морской козель—кукушка, ракъ.
Лѣтомъ пирогъ, зимой лепешка—собака.
Мала-малешенька, сквозь тынъ тащить дрова—игла.
Марья спитъ, черезъ годъ узнается мѣсто—стогъ сѣна.
Мартинъ подъ землею, борода на землѣ—рѣдька.
Медвѣдь идетъ изъ влажнаго царства (kãgemä), ножницы въ лапахъ, сумка на шеѣ—ракъ.
Мужикъ идетъ въ лѣсъ, бросаетъ сѣты по сторонамъ дороги—сопли.
Мужикъ идетъ въ лѣсъ, жена за пупъ на спинѣ—топоръ.
На землѣ больше дыръ, чѣмъ на небѣ звездъ—живо, покосъ.
На куриной ножкѣ вертится хатка—мотовило.
На Гладкой горѣ (? kalina) восемь ногъ, двѣ руки—ракъ.
Невѣста наряжается за лѣсомъ—восходящее солнце.
Несмѣняемый впереди, зимній позади, чурбанъ посрединѣ, кнутъ въ рукахъ—лошадь, дровни и человѣкъ.
Новая посудина полна дыръ—сито.
Носить можешь, сосчитать не сможешь— волосы.
Обращается туда, обращается сюда, обращается въ каждой избѣ—трошки.
Огненная средина, влажный край—самоваръ.
Одинъ боченокъ, два сорта пива—яйцо.
Одинъ братъ сказалъ: мнѣ лѣтомъ лучше, другой сказалъ: мнѣ зимою лучше, третій сказалъ, мнѣ все равно—дровни, телѣга и лошадь.
Одинъ гусь, четыре носа—подушка.

Одинъ дѣлаетъ тупъ-тупъ, другой дѣлаетъ тупъ-тупъ, третій дѣлаетъ тупъ-тупъ, четвертый дѣлаетъ тупъ-тупъ, пятый дѣлаетъ цопъ (*karwihti*)—лошадь.

Одинъ дубъ, у дуба двѣнадцать вѣтвей, на каждой вѣтви четыре гнѣзда, въ каждомъ гнѣздѣ семь яицъ—годъ, мѣсяцы, недѣля и день.

Одинъ нищій, сто плащей—курица.

Одна древесина, два хвоста—ночвы (*netswa*).

Одна мышь, два хвоста—поршень.

Одинъ сказалъ: ночь длинна, другой сказалъ: день длиненъ, третій сказалъ: лѣто длинно, четвертый сказалъ: зима длинна, пятый сказалъ: мнѣ все равно—кровать, полъ, телѣга, сани, лошадь.

Опроекнутая корзинка, сѣмена внутри звучатъ—изба и люди.

Опроекнутая—полна, стоитъ—пуста—шляпа.

Отецъ рождается, сынъ на печку взбирается—дымъ.

Откроются городскія ворота—весь народъ видитъ—дверь избы.

Отрѣжь голову, вынь сердце, дай пить—станетъ говорить—перо.

Парень съ дѣвушкой работаютъ; я пришелъ, сказалъ: Богъ въ помощь и спросилъ: вы братъ и сестра или мужъ и жена? Дѣвушка поклонилась и отвѣтила: ни мужъ, ни жена, ни братъ, ни сестра: его мать моей матери свекровь—отецъ съ дочерью.

Пенъ вверху, макушка внизу—лошадь и хвостъ.

Подъ одной крышей четыре брата—столъ.

Пришелъ мужикъ къ царю. Царь спросилъ: что я думаю? М. Ты думаешь, что я болѣе не прійду. Ц. Вѣрно, это я думаю. Какъ высоко небо? М. Этого не знаю ни я, ни ты. Падающая дождевая капля нигдѣ не останавливается. Ц. Это вѣрно. Какъ тяжель мѣсяцъ? М. Не тяжелѣе, чѣмъ четыре четверти фунта. Ц. Какъ широкъ міръ? М. Вѣтеръ дуетъ съ одной стороны и идетъ въ другую, нигдѣ не стоитъ. Ц. Это вѣрно.

Пожираетъ бѣлое, испускаетъ черное—лучина.

Полный хлѣвъ овѣцъ, бѣлый баранъ посрединѣ—звезды и луна.

Поросенокъ бѣжитъ вокругъ избы: чѣмъ дольше бѣжитъ, тѣмъ больше становится—цѣвка.

Полный хлѣвъ овѣцъ, всѣ безъ хвоста—хлѣбы въ печи.

Пѣтухъ на жерди, кошки подъ жердю—церковный колоколъ.

Прыгаетъ, рѣзвится, ежедневно башмаки на ногахъ, шубой покрыта—овца.

Пѣтухъ у порога клѣти—нагрудное украшеніе (*sölg*).

Пять братьевъ гонятся другъ за другомъ, ни одинъ не догоняетъ—вязаніе чулка спицами.

Растеть ель корнями вверхъ, макушкой внизъ—лошадиный хвостъ.

Реветь какъ быкъ, роеть какъ свинья, падаетъ какъ коль—жуки.

Раздвинь шерсть, возьми изъ средины сладкое—березовица.

Свиной калъ на стѣнѣ—висячій замокъ.

Сестра слѣпая, братъ пятисторонній—ночь и вѣтеръ.

Собака лаетъ, съ зубовъ течетъ—трепалка.

Сорока вошла въ городъ, хвостъ оставила снаружи—сажаніе на лопатѣ хлѣбовъ въ печь.

Спускаются внизъ яловыя, подымаются на гору стальные—ведра на коромыслѣ.

Старая корзина, новая покрышка—земля, покрытая снѣгомъ.

Сто досокъ теса, тысяча черемховыхъ досокъ—книга.

Слѣпая (что?) туда, сѣрая сюда, сѣрая въ каждый дворъ—тропинка.

Треугольный амбаръ полонъ бѣлаго хлѣба—гречневое зерно.

Три брата прыгаютъ въ одномъ голенищѣ—жито толкнуть.

Толкинъ свѣтъ (*lille*), потяни свѣтъ, свѣта глаза сокращаются, совиные глаза убавляются—задвижное окно.

У насъ есть, у Бога нѣтъ—грѣхъ.

У осинъ сто сучьевъ, на каждомъ сукѣ гнѣздо, въ каждомъ гнѣздѣ два яйца—чечевица.

Царь въ своемъ калѣ—огонь въ пеплѣ.

Чего нельзя въ сите обнести кругомъ избы? Воды.

Чего трехъ нѣтъ на землѣ? У камня корней, у птицы молока, у воды сучьевъ.

Человѣкъ безъ ума, лошадь безъ ногъ—дитя въ колыбели.

Черный быкъ, вѣтвистые рога, подымаетъ на затылокъ цѣлый приходъ—винный котель.

Четыре дѣйствуютъ, борода подражаетъ— волосы на ногахъ лошади.

Четыре лошади, пятая въ стойлѣ, ни откуда не попадаютъ въ стойло—вязаніе чулокъ.

Четыре сестры подъ однимъ покрываломъ—ножки у стола.

Четыре сестры мочатся въ одну яму—сосцы у коровы.

Четыре смотрятъ внизъ, двое на небо—корова.

Что мягче всего на свѣтѣ? Рука.

Что на свѣтѣ быстрѣе всего? Солнце.

Что не отдыхаетъ ни днемъ, ни ночью? Вода.

Что сильнѣе всего на землѣ? Земля.

Что умнѣе царя? Безмѣнъ.

Шаръ впереди, шило позади, вмѣстлище для мышей посрединѣ—кошка.

Шаръ посрединѣ, шило впереди, лопата позади—курица.

Шесть ногъ безъ копытъ, рога есть, а не быкъ—жукъ.

Бѣть лошадь, оглобли стоять—ручеекъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Названія полузвѣрческихъ поселеній.

Сокращенія: В.—Веркоустенскій, Зал.—Залѣскій, Зач.—Зачеренскій, Изб.—Изборскій, Колп.—Колпинскій, К.—Кулейскій, М.—Мальскій, Пан.—Панковскій, П.—Перскій, Т.—Тайловскій. Число въ четыре цифры означаетъ годъ упоминанія въ актахъ, остальные числа указываютъ количество жителей по ревизскимъ сказкамъ и церковнымъ метрикамъ (послѣднія въ скобкахъ).

A.

Андрюково (Андроново), Т. 1652, 29.

Анцина Гора, Пан. (34).

Авдѣево, Audjahaag, Колп. ¹⁾.

Б. ²⁾.

Авинчище, Obinitsa, Т. 1652, 126. Бабино-Каменище, Sega к. В.

Андрейково, Kolo, Изб. 1652, 52, (47). Барканово, Бурканово ³⁾, П. 1652, 55, (47).

¹⁾ Хотя и прибрежная деревня, но жители полузвѣрды занимаются земледѣліемъ. Вообще замѣтно, что исковскіе чухонцы или полузвѣрцы чуждаются рыболовства, какъ постоянного промысла, и расположены къ земледѣлію, представляющему болѣе ручательства въ вознагражденіи за приложенный трудъ. Национальные отличія сохранили вполнѣ, ибо только мужчины знаютъ по-русски.

²⁾ Будовень, Lis. прих., нынѣ русская деревня. Первоначально здѣсь, по преданію, было только одинъ жихарь-полувѣрецъ; указываютъ даже мѣсто, гдѣ онъ жилъ; теперь тамъ голый песокъ. Русскіе, будто, переселились сюда изъ Изборска и дер. Кошелѣкъ.

³⁾ Здѣсь рядъ полузвѣрческихъ поселеній, представляющихъ хороший примѣръ национальной устойчивости полузвѣрцевъ. Образуя сплоченную группу, полузвѣрцы живутъ здѣсь вполнѣ особнякомъ отъ Русскихъ, сохранили свои нравы, обычай, можетъ быть болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ въ восточныхъ приходахъ. По преданію, дер. Лебеда позднѣйшаго происхожденія; первоначально здѣсь, будто, жилъ только одинъ жихарь; да и теперь еще баркановскіе жители владѣютъ здѣсь землею.

Березногъ, П. 1652, 83, (82).
 Боловино, Болвино, Т. 1652, 20.
 Боровыхъ, Борокъ, Т. 14.
 Боровенки, Laweritsa к. Зал.
 Ботатино, Зал. 55, (54).
 Брездѣлево, Пан. (25).
 Булыгино, Мал. Кулиско, К.
 Булатнова, П. 54.
 Бурмакино, Зал.
 Бѣлохвостово, П. 1652, 25.

В.

Ваксарово, (Пельзики), Пан. 1652, 1652.
 (37).
 Варусово, Waresse M  e, Колп.
 Варза, В.
 Ведерниково, Зач. 102, (124).
 Веребково ¹⁾, Зал. 1624—1627.
 Веретино, Т. 1652, 44.
 Веселкино, Зал. 1652.
 Верхоулицы, В. 1652.
 Верхутско, В. 1652.
 Воробьево, П. 1561, 1652, 44.
 Воронково, (Островокъ), К.
 Воронково, Saarebi, Зач. 21 (55).
 Выбовка ²⁾, Кол.
 Вылозы, К.
 Выморково, П. 1536, 1652, 55,
 Выползово, В. 1652.
 Вязиково, Зал. 55.

Гагарино ³⁾, Изб. 14, (16).
 Гигина, Tedre k  la, Т. 29.
 (Глазово ⁴⁾, К.).
 Гистихино (Гистино), Т. 1652, 19.
 Головино, П. 1623, 58.
 Горланово Мал. Пан. 1652, (37).
 Горемыкино, H  rme K., Т. 1652, Но-
 вое 14, Старое—47.
 Горинка, Пан. (31).
 Горѣлая мельница, Korela k., Зач.
 Горушка, Korsti k., П. 12.
 Горушка Мал., Т.
 Грабилово, Зач. 21.
 Грабилово, П.
 Грехнево, Wasili k. Т. 1652, 26.
 Гусинецъ ⁵⁾, Изб. 1652, 84, (85).

Д.

Дегатницы, Togenitsi, Колп.
 Демидово, П. 1652, 25.
 Денисково, Hurowitsi, Т.
 (Дрисливикъ К. ⁶⁾),
 Дубровка ⁷⁾, Зал. 1561, 135.
 Дуплево, Т. 1561, 26.
 Дуравино, Зач. 52 ⁸⁾.

¹⁾ Населеніе близко къ обрусѣнію; линники (женскій головной уборъ) перестали носить лѣтъ шесть тому назадъ.

²⁾ На лифляндской границѣ съ сѣвера. Жители занимаются земледѣліемъ и рыболовствомъ. Жилыя помѣщенія убогія, построенные на чухонскій ладъ, нѣкоторыя съ русскимъ крыльцомъ. Три новые дома по внутренней обстановкѣ походятъ на русскіе. Четыре симѣшанныхъ семейства, въ которыхъ однако господствуетъ языкъ чухонскій. Восемь человѣкъ получили первоначальное образованіе. Во время крѣпостничества Выбовка принадлежала Райновскому помѣщику. Нѣкоторые носятъ лифляндскую одежду. Сосѣдніе лифляндскіе Эсты заимствуютъ отъ полувицѣвъ пѣсни.

³⁾ Глушь; всѣ четыре двора полувицѣ; женщины лишь кое-что понимаютъ по-русски; супружескія связи заключаются между своими-же изъ другихъ приходовъ. Въ одномъ дворѣ была арфа, на которой сынъ игралъ очень хорошо; самъ отецъ-старикъ отказался играть, ибо ходилъ только что сватать сыну невѣсту верстъ за 15.

⁴⁾ Населеніе обрусѣвшее; старожилы помнятъ еще время, когда предки ихъ были полувицами; нынѣ даже не всѣ мужчины знаютъ по-чухонски. Такова, вѣроятно, судьба многихъ деревень Кулейского прихода.

⁵⁾ Близка къ совершенному обрусѣнію. Уже лѣтъ 15 тому назадъ женщины перестали носить линники. Языкъ чухонскій забытъ. У троихъ были арфи: двое долго хранили ихъ безъ употребленія, но наконецъ бросили въ печку, у третьего (Евдокима) она сохранилась. Теперь уже никто не играетъ на ней; только одинъ Русскій въ часы досуга усаждаетъ другихъ искусствомъ играть на ней. Лишь одинъ дворъ можно считать нынѣ полувицѣскимъ.

⁶⁾ Населеніе обрусѣвшее благодаря брачнымъ связямъ.

⁷⁾ Здѣсь одна Русская, выйдя замужъ за полувицца, стала носить линникъ и перестала говорить на родномъ языкѣ. Деревня воровская; конокрадство обратилось въ промыселъ. Двѣ женщины известны пѣвицы.

⁸⁾ Дольнево, Кул. пр.; по преданию, здѣсь было полувицѣское населеніе. Вообще замѣтно, что прибрежное населеніе скорѣе другаго русѣеть.

Е.

Егерева Мельница, В.
Екшино, Зал.
Ермаково, Т. 1652, 42.

Ж.

Жагры, Пан. (22).
Жеребцово, Т. 1652, 58.
Жуковичи, Sökowitsi k., В.
Журово-Кахово, Saage k., Järwe k.
В. 1652.

З.

Заболотье, Зач. 96, (97).
Заболотье, Wilo k., Зал.
Забълино ¹⁾, П. 44.
Загорье, П. 1652, 63.
Загубочье, Krömesüwa k., В. 1652.
Заднее Церковно, Jusa, Т. 25.
Задорожье, Зал.
Задребье, Изб. 1652, (20).
Займище, Lindsi k., Т. 1561.
Замошье ²⁾, Е. 1652.
Запутье ³⁾, Изб. 87, (61).
Захарино ⁴⁾, Т. 58.
Захново, Изб. 1652. (98).
Злыполье, К.
Зуево, Зал.

И.

Игнатово (Горохово), Alaotsa k. 47,
(48).
Игнашево, Т. 1652, 86.
Игрище, В.
Извадъ ⁵⁾ зал. 79.

К ⁶⁾.

Каменецъ, Т. 1652. 3.
Каменка, Т.
Карамзино, Т. 1652, 20
Карабково, Т. 21.
Кастьково, В.
Кербы, Кербино, Зал.
Керы, Radaja, Зал.
Киево, Т. 22.
Кикишево ⁷⁾, Кукишево 1561, Т. 20
Кирилловъ Боръ, В.
Кислово, Мал. П., 1652, (29).
Клавшино, Haosina, Колп.
Ковязлово ⁸⁾, Изб. 40, (51).
Кожуховъ ⁹⁾, Коcиково, Т. 38.
Колосова, В.
Кондрашево, Зач. 83, (90).
Константиново, Serga k., 1652, 139.
Котельниково, Зач. 14, (15).
Кошельки ¹⁰⁾, М. 93 (обѣ 206).
Кошельки Никуланы, М. 88.
Кранцова ¹¹⁾, Пан. 25.
Красиково (Юковъ конецъ), Зал. 9.
Крохово, (Крухново), П. 44.
Кулиско Мал., (Булыгинъ), К.
Курвицы, Зал.
Курцупово, Пан. (25).
Кярикъ ¹²⁾, Колп.

Л.

Лабаны (Любаны), Пан. (10).
Лахново, П. 1652, 45.
Лединки, Лядины, Зач, 1536, 76, (80).
Лейманы, Пан. (29).
Линусы, Пан. (28).

¹⁾ Чухонское населеніе проходитъ, по преданію, изъ Лифляндіи; первоначально здѣсь, будто, жилъ только одинъ жихарь, лифляндскій бѣглецъ.

²⁾ Населеніе обрусѣвшее; первоначально здѣсь былъ только одинъ жихарь полуварваръ; винѣ здѣсь много сроднившихся семействъ.

³⁾ Близка къ обрусѣнію. Здѣсь у двоихъ арфы, но безъ струнъ. Одинъ отецъ сдѣлалъ арфу для сына, который очень просилъ его; вообще дѣти сохранили любовь къ игрѣ на арфѣ.

⁴⁾ Населеніе смѣшанное.

⁵⁾ Здѣсь некоторые Русскіе сдѣлались полуварварами.

⁶⁾ Кулье, русская дер. По преданію, первоначальное населеніе ея вымерло отъ войнъ и моровой язвы; затѣмъ, спустя долгое время, здѣсь поселились выходцы изъ Осташкова (и теперь некоторые семейства носятъ фамилію Осташковыхъ) и Польши (семейства Поляковы). По всей вѣроятности, основатели этой деревни были чудскаго племени.

⁷⁾ Шесть семействъ, два русскихъ, четыре полуварческихъ.

⁸⁾ Близка къ обрусѣнію.

⁹⁾ Два двора русскихъ, хотя говорятъ на обоихъ языкахъ; три семейства говорятъ по-чухонски. Прежде только одно семейство было русское.

¹⁰⁾ Близка къ обрусѣнію.

¹¹⁾ Извѣстна пѣвица Дарья.

¹²⁾ Жители—переселенцы Эсты изъ Лифляндіи, именно мызы Керкула.

Литвиново, Зач. 111 (115).

Лыбовка-Выбовка, Колп.

Лугина ¹⁾, П. 1652, 37.

Луковка, Röni, Изб. 30, (31).

Лутобижи, В. 1652.

Лыково, Пан. (111).

Лытино, М. 58 (66).

Люлино (Лелино), Пан. 1652, (38) ²⁾.

М.

Макарово ³⁾, Изб. 27, (28).

Мал. Горланово, Пан. (37).

Манухново, Зал.

Маслово ⁴⁾, П. 1652, 16.

Маслово, Т. 1652, 16.

Махново, Изб. 1652, 29, (34).

Машнево, Т.

Мегузицы (Каменка), 1569—1652.

Медвѣдево ⁵⁾, Зал. 9.

Мелово, Mudowa, Т. 1652, 12.

Метковицы, П. 1652.

Митино ⁶⁾, Изб. (30).

Мокрики, Пан. (61).

Мязовичи, К.

Мясники, Пан. 74.

Н.

Напики ⁷⁾, Пан. (32)

Настахино, Пан. (32).

Никитина Гора, В. 1652.

Ничаево Боль. В. 1561.

Ничаево Мал. В. 1561.

Новинки, Т. 1652, 53.

Новинокъ, Karisilla k., В.

Ново-Клавшино, Колп.

Нутрецово, П. 1652, 19.

О.

Оглобино, Miku k. T. 1652, 58.

Олехново (Олухово-Невское), 1561,

Пан. (47).

Олухово (Печерское), Зал. (21).

Осиповъ Боръ, В.

Островка, Зал.

Островокъ (Воронково). Saareba, K

П.

Паклово, Treala, Зал. 1652.

Паклово, Т. 43.

Пальцева, П. (30).

Пальцово, Пан. 1652, 55.

Парышкино, П. 1652, 42.

Пепина гора, Mäcussa, Колп.

Пердовка, Зач. 76 (77).

Переднее Церковно, (Церковка). 1561, 33.

Пластырково, II. 13.

Погибово, Т. 60.

Подгорье (Невское), Ala k., Изд. 54, (55).

Поддубье, Пан. (13).

Поддубы, П. 34.

Подльсы, П. 1652, 18.

Подмогилицы, ⁸⁾ Podmotsa, K. 1652.

Подсадниче, Helbiki, Т. 1652, 46.

Подсосенье, ⁹⁾ Pedaspääliste k., Колп.

Подтекалово (Шляпниково), П. 23.

Подчерняево, Kieru K. T. 1652, 39.

¹⁾ Здѣсь извѣстенъ пѣвецъ, солдатъ Василій Терентьевъ.

²⁾ Любятово (Щемер. прих.); жители—олатышенныѣ Русскіе, которые во время крѣпостной зависимости брали въ жены Латышекъ, ибо тогда не было позволено брать женъ изъ другого имѣнія.

³⁾ Близка къ обрусѣнію. Въ одномъ семействѣ три брата женились: двое на полу-вѣркахъ, одна—на Русской; въ этихъ семействахъ говорятъ на обоихъ языкахъ.

⁴⁾ Три семейства: 1 русское, 2 чухонскія; прежде всѣ были русскія; очухонились черезъ брачныя связи.

⁵⁾ Здѣсь поселилось нѣсколько семействъ Эстовъ изъ Лифляндіи.

⁶⁾ Населеніе смѣшанное: пять семействъ русскихъ, остальные полуверческія. Полувѣрцы брали въ жены русскихъ дѣвшекъ, которыхъ отстолли свою национальность. Дѣти всѣ могутъ говорить по-русски.

⁷⁾ Здѣсь находится громадная сосна, къ которой жители относятся съ благоговѣніемъ.

⁸⁾ Черезъ заливъ противъ дер. Куля; дворы четырехугольные, совершенно на русской ладѣ: жилой домъ, хлѣвъ, амбары и вездѣ съ воротами; во внутренней жизни жители держатся особнякомъ. По виду взрослые, здоровы, блондины.

⁹⁾ Лифляндскій эстонскій костюмъ начинаетъ входить въ моду; дѣвушки одѣваютъ украшенія только въ праздники на хороводахъ. Это можно сказать вообще о деревняхъ на лифляндской окраинѣ. Пѣніе полуверческихъ пѣсень и арфи здѣсь еще не въ ходу. Во времена крѣпостничества Подсосенье принадлежало Райновскому помѣщику.

Поколово, М. 59, (58).

Покшино, Т. 1652, 25.

Поповичи, В.

Порослово¹⁾, Пан. (26).

Поталово²⁾, Пан. (27).

Прудище³⁾, Зал.

Прунтово, Пан. (22)

Пуганцы, (Пугницы), В. 1652.

P.

Райново, Колп.

Раково,⁴⁾ Изб. 30, (35).

Растляково, (Юковъ Конецъ), Polande

К. Зал.

Ржаво, Ersada B. 1652.

Ройкино⁵⁾, Т. 1652, 57.

Рыжиково⁶⁾, Зал.

Рысево, П. 47 (48).

Рябцево, Боль. и Мал. Зач. 1652.

C.

Савино, Зач. и В.

Самарино, Зач. 32, (31).

Свинска,⁷⁾ Т. 1637, 42.

Салтаново, М. 49, (59).

Саурово, П. 77.

Селище, Selisja, В. 1652.

Серпухово, Зач. 54, (57).

Сигово, Radaje, Зал.

Слободка, В. 1652.

Смолина Гора,(Смольникъ), П. 1623, 123.

Соколово⁸⁾, Изб. 1652, 41, (58).

Соловьево, Т. и Пан. 1652, (27).

Сорокино, П. 18.

Спицыно, Зач. 30, (31).

Стешево, (Стехнево), Т. 1536. 1652.

18.

Стригина, Т. 1652, 23.

Ступино, Зач. 47, (49).

Сузиково, Soelane, В

Сульники, (Сюльники), Pelsik, Пан.

Сурянка, Зач. 15, (14).

Сухлово, Изб. 26, (21).

Сыромятинъ⁹⁾, Зал.

T.

Танищево, П. 1652. 79.

Тереховщина, Melso K. 1652, 29.

Тилики, Пан. (50).

Тимошева¹⁰⁾, (Юковъ Конецъ), Зал. 1652.

Толстопятово, Talkak. Т. 1652, 45.

Тони, Tona K., В.

Томасова Гора, Tooma Mägi, Колп.

Тросна, Боль. и Мал. В. 1652.

Тростянка, Боль. и Мал. Trostka, B.

1652.

Трынтыва Гора¹¹⁾, Tronnek. Изб. 93, (87).

Тюлитино¹²⁾, Külätowa K., Зал. 37.

Тюлитино, Т. 142.

Тюршино (Курвичъ)¹³⁾, Изб. 15, (6).

Тютино, Т. 1561, 1652, 48.

¹⁾ Смѣсь народностей; чухонскую часть образуютъ потомки бѣгледовъ лѣфляндскихъ.

²⁾ Населеніе смѣшанное на половину изъ Русскихъ и полуварцевъ.

³⁾ Русѣть; костюмы полуварческие уже вышли изъ моды. Здѣсь почти въ каждомъ домѣ имѣется арфа.

⁴⁾ Раково-Подгорье склонно къ обрусѣнію. Здѣсь въ 1884 г. завели на собственные средства школу грамотности, нанявъ учителемъ отставнаго солдата, но тотъ спился и уѣхалъ. Въ 1885 году жители намѣрены были обратиться къ содѣйствію земства для возстановленія школы.

⁵⁾ Прежде было русское населеніе; нынѣ нѣкоторыя семьи очухонились черезъ брачныя связи.

⁶⁾ Упорно держится своей національности, хотя и окружена русскими деревнями.

⁷⁾ Извѣстна пѣвица Татьяна.

⁸⁾ Мужчины говорятъ по-русски; женщины и дѣти совсѣмъ мало; костюмы національные; человѣка три самоучкой выучились читать. Одинъ выдалъ трехъ дочерей за Русскихъ въ русскія деревни. Федоръ Ивановъ искусно воспроизводилъ на арфѣ трезвонъ въ Псковскомъ соборѣ. Жители выражали сильное желаніе дать дѣтямъ школьнное образованіе.

⁹⁾ Деревня значительно обрусѣвшая, линниковъ не носятъ, преобладаетъ русскій языкъ.

¹⁰⁾ Три семейства обрусѣли благодаря брачнымъ узамъ.

¹¹⁾ Всѣ полуварцы, упорно держатся старины, женщины стыдятся русской рѣчи, браки между своими же.

¹²⁾ Населеніе смѣшанное на половину изъ Русскихъ и полуварцевъ. Нѣкоторые Русские женились на полуваркахъ и въ семье говорятъ по чухонски.

¹³⁾ Тростинко, М. прих., никогда была полуварческою. Третьяково, русск. дер. Изб. прих. Здѣсь Тимоѳеемъ Александровъ говорилъ слѣдующее: лѣтъ 150 тому назадъ, здѣсь

У.

Узеница Боль. В.
Узеница Мал. В.
Уласково ¹⁾, Зал.
Умковичи, П. 1652. 164, (170).
Усова Гора, Jugo, Зал.

Ф.

Филиппова Гора, Т. 1652, 55.

Х.

Хельково, (Ананьино), Зал. 31.
Херково, П. 67, (69).
Холодникъ, М. 7.

Ч.

Чальцево, Т. 1652, — Большое, 39.
Малое, 14.
Челково, Tölgö К. В.
Черемново, Пан. (71).
Черный Лѣсь, Räswa, В. 1652.

Черепы, Пан. (32).

Черный Ручей, Mustoja. К.
Чудской Конецъ, Зач. 63, (64).

Ш.

Шешниково, В. 1652.
Ширково, Пан. (10).
Шляпниково-Подтекалово, П.

Щ.

Щапкино, В.

Юковъ Конецъ, Juga otsa-Крысикаво-
Тимошево, Зал.

Я.

Ямище, Кул.
Янкино, Пан. (41).
Янкина Мельница, В.
Ястребье, Кул.
Ячменово, Кул.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Слова ²⁾.

Ahinik—печникъ.

Angel—Евангелие.

Arbja—захаръ, слововѣдъ.

ãgil—борона.

deda—старый человѣкъ.

dedakene, babakene—обращеніе къ чу-
жимъ.

hamé—русская рубаха изъ бѣлаго хол-
ста, воротникъ съ красными узорами,
рукава обшиты красной полосой.

hamé—женская рубаха съ вышитыми
широкими рукавами, верхняя часть изъ
тонкаго холста, нижняя изъ грубаго.

armi hamé—древняя рубаха съ длин-
ными рукавами; послѣдніе изъ самаго тон-
каго холста; до пояса холстъ хуже, а
внизу совсѣмъ грубый; рукава длиною
 $2\frac{1}{4}$ арш., въ срединѣ ихъ отверстіе, чрезъ

которое продѣвалась рука, когда напр. мѣ-
сили хлѣбъ или мыли бѣлье, а концы
связывались за спину; на памяти старо-
жиловъ ее надѣвали еще, когда єздили
вѣнчаться и причащаться; ее брали удру-
гихъ на прокатъ, за что обязывались ра-
ботать цѣлый день (такую рубаху я на-
шелъ и въ Гдовскомъ уѣздѣ въ 1884 г.).

armi hamé въ этомъ же родѣ рубаха,
только изъ болѣе грубой матеріи и безъ
отверстій въ рукавахъ; ее носили на то-
локѣ и супрядкахъ.

hitskma—леха.

iskma, istma—прѣсть супрядки.

jaah—студень.

Jumal—образъ, Богъ.

juomi tsai—чай.

поселился его дѣдъ изъ Лифляндіи, мызы Орава, по имени Юсъ и женился на Полькѣ
ибо Поляки убѣгали отъ жестокостей и насилий пановъ. Еще донынѣ дер. Лопатово и,
Платки называются польскими и поулично вѣкоторые деревни носять прозвища: заацъ-
клопъ, дроздъ и др., которыхъ переходятъ по наслѣдству. Общий лѣсь этихъ трехъ де-
ревень называется Поладскимъ. Въ дер. Кликушино лѣть 200 тому назадъ былъ только
одинъ жихарь, отъ которого и произошла вся деревня (нынѣ 6 дворовъ). Въ жены
брали одни полувирохъ, другія русскихъ. Полувѣрческій языкъ въ этихъ деревняхъ
давно исчезъ.

¹⁾ Жители занимаются конокрадствомъ.

²⁾ Ихъ нѣтъ у Видемана, или есть, но съ другимъ значеніемъ.

kaal—льняной платокъ около 3 арш. вытканый кумачемъ, перекидывается черезъ плечо и на груди застегивается пряжкой (prees); въ немъ невѣста єдетъ вѣчаться и на свадьбу къ жениху; дружки (kaazik) также носятъ kaal.

kaala—знахарь, гадающій по картамъ, по вращенію креста, ключа и книги.

kalski—своякъ.

kama—густое толокно, мѣщанка.

katr—толокно (приготовленіе: размачиваютъ овесъ, прибавляютъ пшеницы, сушатъ на солнцѣ или въ печи; на мельницѣ обдираютъ шелуху и мелютъ въ мелкую муку, мѣшаютъ послѣднюю съ водою и солью и такъ єдятъ).

kambre—кладовая для хлѣба и для мечи.

katsakat—мужскіе порты;

alos katsakat—нижніе порты изъ болѣе тонкаго холста.

katus kahru persega—эстонская четырехсторонняя крыша.

käära—могила.

kirmas—туховицы (праздникъ молодежи, соединенный съ играми и танцами).

kittask—женское одѣянье безъ рукавовъ.

kalatskit—калачи.

kiut подвода.

kiwi—мельница.

kolga—повѣсьма (накладываютъ на прядецъ и бьютъ).

kostkaheitja—знахарь, гадающій посредствомъ бросанія костей.

kõlgus—амбаръ для сѣна (по Видеману, соломникъ).

kõrik—самотканый шерстяной платокъ. съ черною или пестрою каймою; при вѣнчаніи полагается подъ ноги, (по Видеману, женскій кафтанъ).

krupenä—кишица изъ картофельной крупы.

kübar—шапка.

kütis—тютижи (способъ удобренія земли посредствомъ сжиганія хвороста, покрытаго дерномъ).

lak—козырецъ (у Вид. шляпа).

last—лопата для точенія косы.

lehet—древнія шейныя украшенія, чи- словъ 5—12, изъ серебра, походить на древесный листъ, длиною 2 $\frac{1}{2}$ и шириной 1 $\frac{1}{2}$ дюйма.

linnik—платокъ въ видѣ длиннаго по- лотенца, которымъ замужнія женщины об- вязываютъ голову, оставляя концы ви- сѣть на спинѣ.

lindaja, lindaja lõi ãtt, lindaja tõbi— вѣроятно, параличъ; колдуны могутъ на- сылать lindaja; если lindaja поражаетъ сердце, то слова не помогаютъ, а если лишь ударяетъ сзади или спереди. Когда у коровы бываетъ три теленка, то третій и есть lindaja: его нельзя поймать, ибо онъ, какъ птица, пролетаетъ сквозь цальцы; если же поймать его и зарыть, то все куски двигаются. Женщина также можетъ рождать lindaja, именно при преждевременныхъ родахъ, въ видѣ крота, который при погребеніи разбивается въ дви- гающіеся куски.

lõigi raud—рѣзецъ, которымъ пашутъ новь; союю сзади подымаютъ.

loigus—проказы, шутки.

Ma—Лифляндія, Ma poole въ Ли- фляндію, за Пивжу.

Maamies—чужестранецъ, Лифляндецъ.

Maa järgw—Чудское озеро.

Maa Mihkli räew—канунъ Покрова (30 сент.).

Maa mõtsis—бранные слова къ Эстамъ лифляндскимъ.

master—монастырь.

moleben—молебень.

moll—жидкое толокно, болтонка.

muda kurts—болотная курица.

mudalane—мошка.

näitsk—служанка.

netswa—ночвы (лотокъ, служившій вмѣсто рѣшета.).

nikri—издѣліе, плетенка.

nõid—колдунъ, причиняющій болѣзни.

otsraja—дымникъ.

Paasa rüha—Преображеніе.

painet rüid—крашеный женскій сара- фанъ съ рукавами и отворотами для нихъ; носится всегда.

päälik—чердакъ.

paternas—лапоть изъ пакляныхъ вере- вокъ (большею частью носятъ Русскіе въ Изборской странѣ).

Pihkwa imä jõgi, Suur imõ jõgi, Suur imä—рѣка Великая.

pikkaperraga—продолговатый.

pinnag—межа.

pindre—гряда.

Piusa—Пиуза, Пимжа (рѣка).
postenik—постель.
prädimine—пряденіе.
prälets—прялочникъ (дощечка, утвержденная на плахѣ или на трехъ ножкахъ).
rühane, rühasi—образъ.
raot—высѣчка.
räppik—лѣтній женскій кафтанъ.
rätt—платокъ; на свадьбѣ женщины дѣлаютъ изъ треугольного платка два рога на головѣ, что называется kuld plakaga (sarwiga) rätt.

ratta—телѣга.

ratta tsür—колесо телѣги.

Risti räew—Вознесеніе.

rittel—лѣстница

rüid—сарафанъ безъ рукавовъ, синяго цвета, покрываетъ все тѣло; willanerüid—сарафанъ съ длинными рукавами, короче простаго rüid на $\frac{1}{4}$ арш.; рукава не продѣваются, а торчатъ за спину подъ поясомъ.

rohi—желобъ, въ коемъ лошадямъ готовятъ болтонку.

roog—мясной супъ.

rüä wiirat—рожь борожденная.

soolarihi ja, soolasobija—захарь, лѣкарь; когда ребенокъ убъется, то онъ причитываетъ: harakalle halu, wareselle walu, musta tsirgule tui tõbi, т. е. горечи сорокъ, боли воронѣ, черной птицѣ иная болѣзнь, а ты поправишся; soolarihi ja береть на ложку соль, шепчетъ на неѣ, даетъ три или девять зернышекъ, приказываетъ бросить въ воду, помѣшать и помолиться.

Вообще нарѣчіе полувѣрцевъ сходно съ Верроскимъ нарѣчіемъ эстонского языка съ тѣмъ отличиемъ, что въ него вошло очень много словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка. Заимствованные изъ русскаго языка собственные имена, напр. личные названия, большую часть исказжены до неузнаваемости. Есть въ этомъ нарѣчіи и слова готскаго или нѣмецкаго происхожденія, изъ чего можно заключить, что полувѣрцы въ прежнее время занимали этнографическое положеніе, общее со своими балтійскими соплеменниками; но нѣкоторыя данные, повидимому, указываютъ на ихъ соприкосновеніе съ Мордвою.

Происхожденіе аршина. Семь разъ полагаютъ пядень, держа за палку, и приговариваютъ: аршинъ! гдѣ ты росъ? Въ лѣсу.—Кто тебя рубилъ?—Мастеръ.—На что?—На мѣру.

sõnad—слова; есть sõnad противъ волка, которыми можно сдѣлать его безопаснымъ для стада; противъ вывиха, перелома, кровавой мочи, бѣшеной собаки, змѣинаго яда, зубной боли (послѣднія знаютъ обыкновенно повивальныя бабки).

tergi—жидкое или густое кушанье изъ толченаго жита и бобовъ, съ постнымъ или скоромнымъ масломъ.

tiranik—utiralnikъ.

told—телѣга для ъзды.

tsagada—ковать (по Видеману, всакывать, рубить).

tsasop—часовня.

tsõrg—круглый.

tsuug—поршня изъ сырой кожи.

walge rüid—бѣлый сарафанъ съ рукавами и отворотами для нихъ.

wannik—родъ вѣнцовъ изъ облитой золотомъ шелковой матеріи; образуетъ сзади двойную ленту, т. наз. wanniku händ.

wats—лепешка поповская.

Wedenie räew—Введеніе.

wieri pak—каталка.

wie ristmine—водоосвятіе въ праздникъ Крещенія.

wiirama—бороздить.

wiisu'—лапти изъ выдѣланной кожи.

wirges, wirg—полоса, борозда (по Видеману, кличка къ быку или лошади).

wõsaj—сѣчка на подобіе малой косы: лезвие длиною въ 4 дюйма, рукоятка бо лѣе аршина, поясомъ наѣшивается черезъ плечо; употребляется для вырубки кустарниковъ.

prukost, sawtrak—завтракъ.

Происхождение фута. Кладутъ 12 разъ большиe пальцы одинъ подъ другого на палку; пространство, занятое такимъ образомъ, составитъ футъ. Семь такихъ футовъ составляютъ сажень.

Бранные слова. Wana purask; wana Jaak, wana nãks; oh, sa must-lase oakott, laku pirst pipardega, sita mulk sibuldega.

Игры. Jänest legena (дѣлать зайца)—дѣтская игра; ставить на голову соломенные рожки, рубашечку закладываютъ въ штаны и бѣгаютъ на четверенкахъ. Weski meng—(въ мельницу)—ложится одинъ изъ играющихъ животомъ на скамью, береть въ руки палочки и стучить по нижней сторонѣ скамьи. Другой въ качествѣ хозяина стоитъ подъ, имъя въ рукахъ соломенный жгутъ (изгуть, tuut), спрашиваетъ, сколько пуръ смолото, и, получивъ отвѣтъ, ударяетъ выводимую къ нему изъ толпы дѣвушку; на кого парни сердиты, ту бьютъ довольно болно.

Обрядъ погребенія. Умирающему давали въ руки свѣчу, прощались, какъ родные, такъ и сосѣди, открывали окно и вывѣшивали черезъ него полотенце, видя которое всякий проѣзжій поминалъ усопшаго. На ночь приходили къ нему молодые и старые бодрствовать. Въ старину гробъ дѣлали изъ цѣльного бревна, еще заранѣе пріобрѣтенного для трупа. Подобные гробы еще понынѣ можно видѣть въ пещерахъ Печерскаго монастыря. Оплакиваніе умершаго со всякими причитаніями было обязательно (въ противномъ случаѣ обижались родные усопшаго). Подъ голову клали вѣнокъ и стружки; въ гробъ непремѣнно бросали монету. Землю засыпаютъ всѣ; на могилѣ обязательно выпиваются или закусываются. На обратномъ пути на дорогѣ разводился огонь, и чрезъ него проѣзжали на лошадяхъ. Поминаніе на могилѣ бывало и бываетъ на Троицу: обходить съ вѣткой, сорванной съ надмогильного дерева, трижды вокругъ могилы, опахивая ее; затѣмъ втыкаютъ вѣтку въ могилу и начинаютъ траур.

Юрій Трусманъ.